

ЛИС СОВА
И
ГОРОД АЖИ

Марина Орлова

Любовь под запретом

Марина Орлова

Лис, Сова и город лжи

«Автор»

2025

Орлова М.

Лис, Сова и город лжи / М. Орлова — «Автор», 2025 — (Любовь под запретом)

Сольвейг всегда подчинялась правилам, пока не встретила Рейна. Он ворует запрещённые книги и не боится жить вне общества потребления. Рядом с ним она чувствует себя больше, чем "красивой куклой". Рядом с ней ему хочется улыбаться. Между ними - холодный зимний город и ещё десяток препятствий. И преодолеть их будет не так-то просто.*** УМНАЯ МОЛОДЁЖНАЯ ФАНТАСТИКА ***первая любовь слоужберннепростой выбор борьба за возможность быть вместе необычный злодей от счастья к стеклу и назад счастливый финал

Содержание

Глава 1. Соучастники	5
Глава 2. Крем-брюле с лавандой	10
Глава 3. Падение	15
Глава 4. Граница	23
Глава 5. Карта и ключ	31
Глава 6. Скромное обаяние	38
Глава 7. Жизнь	43
Глава 8. Шёпот звёзд	47
Глава 9. Тоннели под городом	50
Глава 10. Башня из стекла	53
Глава 11. Цена чернил	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Орлова

Лис, Сова и город лжи

Глава 1. Соучастники

Рейн шагал как можно увереннее и вдыхал как можно реже. Воздух в ТЦ «Гиперион» казался приторным, как сироп от кашля: смесь озона из дезинфектора, средства для мытья полов и сладкой парфюмерной отдушки. Этой кашей слабых, но навязчиво-противных запахов вообще не хотелось дышать.

Парень старался не щуриться, чтобы не выдать себя: глаза, привыкшие к мягкому сумеречному свету Нижнего Фрихайма, здесь резало от сияния люминесцентных ламп.

В «Гиперионе» Рейн всегда чувствовал себя лабораторной крысой в стеклянном лабиринте, за каждым движением которой следят камеры со злыми красными глазками. Но цель того стоила.

Книги.

Книжный отдел был для Рейна одновременно Эльдorado и персональным адом. Разноцветные корешки на стеллажах манили запахом свежей печати на глянцеваy бумаге и в то же время насмехались над ним своей недоступностью. Суммы на ценниках – особенно в отделе художественных альбомов – превышали месячную соцпомощь по карточке «малоимущей семье» и больно тыкали Рейна носом в его статус.

А статус у него был очень так себе. Возраст – пятнадцать лет. В таком возрасте никто не будет считать тебя за человека. Но дальше – ещё хуже. Социальный рейтинг – *неблагонадежный*. Это значило, что для него запрещено и закрыто многое, в том числе доступ к книгам. Официальная формулировка: «по причине низкой культурной вовлечённости».

От горечи этой иронии сводило зубы. Откуда возьмётся культура, когда всё, что тебе разрешено, – десятисекундные сторис в «Кено» и сводки новостей о процветании Фрихайма?

Рейн с благоговейным трепетом погладил тиснёные буквы на зелёном корешке. «Вино из одуванчиков». Название звучало как насмешка над его миром дешёвых разбавленных соков «из порошка». Он бы многое отдал за глоток чего-то настоящего. Пусть даже этот глоток будет описан в книге.

Рейн повернулся спиной к камере и отработанным движением скovyрнул с книги «пикалку». Дождался, когда обзор охраннику перекрыл мужик в классическом костюме, изучающий книги по менеджменту. Незаметное движение – и зелёный томик уже под одеждой.

«Костюм» всё копался на полке для бизнесменов. Нужно было пользоваться удобным случаем. Брошюра А5 – в самый раз под толстовку. На чёрной обложке – витые золотые буквы: Эдгар Аллан По. Знакомое имя, нужно брать. Стихотворение про Эльдorado Рейну нравилось.

Пulsация крови в ушах заглушала фоновую музыку. Парень сделал движение – быстрое, умелое, отточённое годами практики. Теперь уже и томик, и брошюра приятно охладили горящую кожу через футболку. Добыча уже ощущалась своей. Но её ещё нужно было вынести из магазина.

Парень развернулся к выходу...

...И в этот момент уловил движение у кассы. Охранник. Не привычный, старый и сонный, а какой-то новый – молодой, со взглядом голодного питбуля. И этот взгляд был прикован к Рейну.

«Ловушка», – мысль сверкнула, как пуля, пробежала мурашками по загривку. Рейн чувствовал этот взгляд всем телом. Он был мышью, попавшей в поле зрения кошки.

Сердце не заколотилось, а наоборот, замерло, превратившись в ледышку. Паника была роскошью, которую Рейн не мог себе позволить. Холодные мысли и взвешенные решения всегда были его единственным спасением. Ну, или быстрые ноги, если рассудительность не сработала, однако сегодня парень надеялся не доводить до подобного.

Рейн замедлил шаг, не меняя равнодушного выражения лица, ненавязчиво глянул по сторонам... И нашёл решение.

Неподалёку, у стеллажа с любовными романами, листала книгу женщина в пальто странного запялённо-розового цвета. Эти богачи вечно выделываются и изобретают уродливые оттенки, лишь бы «не как у всех». Рядом с женщиной стояла девчонка лет пятнадцати, которая со скучающим видом листала что-то на экране дорогого смартфона. Девчонка была такая же темноволосая, в очень похожем уродско-розовом пальто – словно маленькая копия своей матери, лишённая права на индивидуальность.

Благонядёжные. Рассеянные, невнимательные лохи. И рядом с ними – тележка с десятком книг.

Расчёт Рейна был безошибочным. Два выверенных шага в толчее. Как бы случайно налететь на мужика справа, отступить от него с извинением... И врезаться в тележку дамочек в розовом. Лёгкое движение – и обе книги, зелёная и чёрная, бесшумно упали на кипу любовных романов. Сработано было чисто.

Но вдруг девчонка подняла взгляд на Рейна. Посмотрела не на тележку, не на возмущившегося мужика, а прямо на него. Глаза у неё были большие и серьёзные, цвета жжёного сахара.

Время остановилось. Рейн замер – чувствуя себя так, словно свет всех ламп магазина скрестился на нём... Ожидая женского вскрика, указывающего на него пальца, суматохи охранников...

Но девчонка не стала кричать. Вместо этого она посмотрела на книги в тележке.

Её мать тоже подняла рассеянный взгляд от страниц, начала хмуриться... Рейн поспешил отступить, бормоча извинения. Краем глаза заметил направляющегося к ним охранника.

И вдруг:

– Дорогая, что это за книги? – возмущённый голос женщины. – Я их не брала.

– Это мои, – тихий голос девчонки. – Для доклада. Проект по истории американской литературы.

Рейн не стал дожидаться развязки. Он сам направился к охраннику, равнодушно поднял руки для досмотра – «питбуль» был явно разочарован – и вышел из книжного отдела. Вот теперь сердце колотилось, отстукивая ритм невыразимого облегчения. Он не попался.

Парень зашёл в отдел напротив и встал между стеллажей с одеждой неподалёку от выхода, наблюдая. Спустя несколько минут женщина и девчонка вышли из книжного: обе с ровными осанками и одинаково вздёрнутыми носами. При этом девчонка сжимала в руках пакет с *его* книгами: зелёную обложку было видно сквозь прозрачный пластик. Она не просто засекла движение Рейна возле их тележки, а каким-то образом разгадала его план. И теперь уходила, унося с собой его несостоявшуюся добычу.

Адреналин, ещё недавно наполнявший тело пружинистой энергией, теперь навалился свинцовой тяжестью, однако Рейн сорвался с места, не думая. Он должен был заполучить *своё*. Это были *его* книги, и он просто не мог их отдать – особенно какой-то богатенькой фифе с высокомерно вздёрнутым носом.

Слившись с потоком людей, Рейн следовал за двумя фигурами в розовом. Поглубже натянул капюшон чёрной толстовки, чтобы скрыть светлые волосы – слишком выделяющиеся в этой темноволосой толпе богачей. Его тёмное отражение скользило по сверкающей поверхности витрин как тень, как грязное пятно.

Парень шагал по сверкающим авеню торгового центра, не выпуская из поля зрения мать и дочь в дорогих розовых пальто, а мысли в голове расчётливо щёлкали, стараясь выстроиться в

логичную цепочку. Кто она? Зачем она это сделала? Это ловушка? Какая-то изощрённая игра, чтобы поймать вора с поличным? Но почему не в магазине, где сделать это было бы проще всего? Нет, цепочка не складывалась. Рейн не мог понять мотивы странной девчонки.

Мать и дочь вышли на главную галерею ТЦ «Гиперион» – просторный зал под гигантским стеклянным куполом, где, казалось, даже воздух стоит денег, – а затем свернули в узкий боковой коридор, к лифту. Рейн притаился за углом, наблюдая.

Именно здесь случилось нечто такое, чего он абсолютно не ожидал.

Мать нажала кнопку вызова. Зыркнула по сторонам: в уединённом коридоре никого не было. Маска чинного спокойствия мигом слетела с неё, лицо перекосило внутренним напряжением. Она сжала плечо дочери: пальцы в чёрной кожаной перчатке впились в розовую ткань пальто, как когти хищной птицы.

– Что это за выходки?! – зашипела женщина, с трудом сдерживаясь. – Ты прекрасно знаешь, у нас утверждённый лимит на этот месяц! Из-за твоих дурацких книг мне придётся отказаться от новых перчаток! Ты хоть понимаешь, как это выглядит? Приём у самой госпожи Кронхайм, а я приду в старых перчатках – по твоей милости!

Девчонка не отстранялась. Она стояла, опустив взгляд и прижав к груди пакет с книгами.

– Это для учёбы, – пробормотала она, и её голос чуть заметно надломился – как будто хрустнула тонкая трещинка на стекле. – Профессор сказал...

Резкий звук пощёчины оборвал её слова. Звук был негромким, приглушённым перчаткой, но для Рейна он прозвучал громче полицейской сирены. Парень вжался в стену, казалось, чувствуя на собственной щеке жгучий, унижительный жар.

– Твой профессор не видит наших счетов, – отчеканила женщина и дёрганным ожесточённым движением поправила перчатку. – Надеюсь, твой доклад по этим книгам будет идеальным.

Девчонка не стала протестовать. И не заплакала. Она просто замерла, и даже с такого расстояния Рейн видел, как покраснели её шея и уши. Её большие глаза смотрели не на мать, а куда-то в пространство перед собой, словно она пыталась отгородиться от ситуации и хотя бы мысленно оказаться в другом месте.

Лифт мелодично звякнул, двери разъехались. Женщина вошла внутрь, не оглядываясь. Девчонка задержалась на секунду – одинокая поникшая фигура среди люксового мрамора и легкомысленной музыки ТЦ, – затем бессильно опустила пакет с книгами и механически, как автомат, шагнула за матерью.

В последний момент перед тем, как двери сомкнулись, женщина пихнула девчонку локтем, и та расправила плечи, вздёрнула голову: аристократке не пристало выглядеть понурой или обеспокоенной, – от чего их с Рейном взгляды случайно пересеклись. Парень замер от удивления: в глазах девчонки не было ни слёз, ни шока. Там было нечто иное, от чего сердце Рейна застучало горячо и возмущённо, – смирение. Эта пощёчина явно была не первой. Но как такое возможно?! Разве благонадёжные не строят из себя самых правильных, самых добрых, гуманных, благоразумных и в целом самых-самых? А ведь бить слабых – тех, кто младше тебя, ниже ростом или очевидно не может дать отпор, – было последним делом! Опуститься до такого считалось дном даже в его районе.

Лифт уехал. Рейн остался стоять среди позитивной музыки и весёлого гомона посетителей ТЦ – со странным, незнакомым чувством, распирающим грудную клетку. Он пришёл сюда за книгами, а получил нечто большее – хотя и сам не понимал пока, что именно.

Может быть, общую тайну, сплетённую из стыда и унижения? Очевидно, эта кукла в уродско-розовом пальто совершенно не хотела, чтобы какой-то отброс из Низа стал свидетелем подобной сцены. В той же степени и самому Рейну было противно, что именно эта *благонадёжная* подловила его за неудавшейся кражей. Но теперь почему-то казалось, что они квиты.

Впрочем, вопрос *его* книг всё ещё стоял на повестке. Выбравшись из стеклянной тюрьмы «Гипериона» на улицу, Рейн наконец-то вдохнул полной грудью. Воздух был прохладным, влажным, полным запаха опавших листьев. Живым. После стерильно-парфюмированной атмосферы ТЦ этот воздух был на вкус как глоток чистой свежей воды.

Здесь, в Верхнем Фрихайме, даже осень выглядела декоративно. Клёны, окутанные маревом подогретого воздуха, горели канареечно-жёлтыми и багряными листьями. Аккуратные клумбы пестрели бархатцами и астрами. И хотя Рейн старался убедить себя, что презирает эту фальшивую, заплаченную красоту, но в глубине души жалел, что не имеет таланта к живописи. Такие цвета стоило запечатлеть не только в памяти.

Рейн легко выследил их: две фигуры в розовых пальто, чинно ступавшие своими чистыми туфлями по чистому тротуару. Мать – впереди, как гордый ледокол; дочь – на шаг позади. Она словно пряталась за спиной матери, скрывая от той понурые плечи и опущенную голову. Пакет с *его* книгами болтался у неё в руке, как самая ненужная и бесполезная покупка в мире. Нужно было забрать пакет как можно скорее, хотя у Рейна пока что не было плана, как это сделать.

Парень следовал за ними, стараясь не светиться, скрываясь то за спинами редких прохожих, то за стволами идеально подстриженных деревьев. Внутри кипела странная смесь чувств. Возмущение за ту пощёчину, за столь незаслуженное унижение. Какое-то сочувствие к девочке, в котором Рейн не хотел признаваться даже сам себе. Любопытство: кто она, эта гламурная кукла с живыми и умными глазами, которая бросила вызов системе, скрыв его преступление? И жгучий, позорный стыд: что он, Рейнар Ниман-Хансен, позволил спасти себя какой-то богатенькой девочке – этим подставив её под удар, – а теперь ещё и следовал за ней по пятам. Да, у него было оправдание: он следовал за своими книгами, – но дело было не только в них.

Пара впереди свернула на аллею, окаймлявшую парк. Справа тянулась невысокая, в метр, каменная ограда, над ней нависали ветви с жёлтой листвой. Слева – такая же ровная линия нарядных двухэтажных домиков. В Верхнем Фрихайме всё было идеально и геометрически выверено.

Женщина остановилась, яростно зарылась в сумку, достала звонящий смартфон.

– Да, слушаю. – И тут же её голос из резкого, как лезвие пилорамы, превратился в сладкий, как мёд: – О, конечно, я уже ознакомилась с каталогом, который вы прислали...

Она отвернулась, полностью погрузившись в разговор, отступила на несколько шагов к домам.

Тем временем девочка осталась стоять на месте, ближе к парку. Она ненавязчиво огляделась, словно бы от скуки топчась на месте и озираясь по сторонам: на деревья парка, на аллею, на кусты рядом с домами... Незаметно выискивая.

Что ж, Рейн выступил из укрытия. Их взгляды встретились вновь – в прозрачном осеннем воздухе, наполненном сладковатым запахом опавших листьев и горькими нотками костра, – и Рейн поймал себя на том, что ему уже нравится это общение без слов. К его удивлению, девочка не вздрогнула, не отвела глаза. Её лицо было так же безэмоционально, как в книжном магазине, когда она посмотрела на него впервые.

И тогда девочка удивила Рейна ещё больше. Она отвернулась со скучающим видом, демонстративно вздохнула, словно бы устав ждать, и оперлась на каменную ограду, положив рядом пакет с книгами. На секунду сжала пластик, будто прощаясь. Потом девочка отступила и, не оглядываясь, так же прямо и чинно пошла за удаляющейся матерью, которая продолжала говорить по телефону.

Это было странное знакомство. Они не обменялись ни единым словом, ни хотя бы приветственным кивком. Да и зачем бы они стали представляться друг другу – красавица из Верхнего Фрихайма и вор из Нижнего? У них не было совершенно ничего общего. Только пара взглядов и молчаливое доверие, родившееся на руинах её униженной гордости и его уязвленного самолюбия.

Рейн, подрагивая от нетерпения, всё-таки выждал, пока мать и дочь скроются за поворотом. Затем бодрым прогулочным шагом он словно бы случайно приблизился к ограде. Пакет всё ещё лежал там, и редкие прохожие, занятые своими мыслями, не обращали на него внимания. Рейн взял его. Пластик был чуть тёплым – как будто ещё хранил тепло её руки, хотя этого, конечно, быть не могло. Приятный для кожи софт-скин-пластик с лёгким подогревом – всего лишь ещё один сервис для состоятельных граждан. Ещё один обман этого роскошного района, где пластиковые пакеты имитировали прикосновение живого человека, а люди были бездушными, как пластик.

По привычке Рейн на всякий случай сунул добычу под толстовку – будет меньше вопросов, – повернулся и зашагал прочь. Прочь от опрятных, словно бы кукольных домиков, от цветасто-ярких клумб, от этого показушно-идеального мира, где можно было получить пощёчину за покупку книги – а ведь Рейну казалось, что любая возможность потратить деньги приводит благонадёжных в восторг.

Теперь Рейн шёл домой – к промозглому туману, серо-кирпичным стенам, привычному запаху ржавчины и гниющего мусора. Обычно этот путь радовал, но сегодня всё было не так. И даже добыча не окрыляла привычным предвкушением. Вместо мыслей о «Вине из одуванчиков» в голове Рейна навязчиво крутились мысли о странной девчонке – словно заноза, которую невозможно было вытащить.

Кто она такая?

Глава 2. Крем-брюле с лавандой

Всегда безупречно чистая комната Сольвейг по вечерам становилась ещё и тихой, словно экспозиция в музее. Никакой музыки. Даже от фильма на стандартной громкости у матери немедленно случилась бы мигрень. Розовые обои умеренного оттенка, белая мебель. Коллекционные куклы на полке замерли в своих коробках – в тщательно выверенной, раз и навсегда заданной позе.

Умеренность вообще очень ценилась в этом доме, ведь это было важнейшее качество стиля. Пижама Сольвейг тоже была стильная и «умеренная» – из шёлкового атласа цвета крем-брюле. Нежная, роскошная, но, к сожалению, не очень удобная. Совершенно неудобная, если бы Сольвейг позволили сказать честно.

Время от времени тихонько фыркал лавандой диффузор: такие были расставлены по всему дому как «средство от нервов» для матери. Лишь этому звуку было дозволено нарушать ночную тишину.

Сольвейг водила пальцем по экрану планшета, беззвучно и бессмысленно листая ленту новостей «Кено». Сейчас на экране улыбающаяся пара рекламировала новейшую модель люксового электрокара, однако Сольвейг смотрела и не видела: перед её внутренним взором стояло другое лицо.

Не такое идеальное, как в рекламе.

Растрёпанные, неаккуратно постриженные волосы – очень светлые, пепельные, непривычного холодного оттенка. Худые острые скулы. Светлые, прозрачные серо-голубые глаза – как морская отмель в пасмурный день. В тот момент, когда она подловила парня рядом с их тележкой, в его глазах светилась такая яростная, животная злость, что впору было испугаться. Это были эмоции дикого зверя, попавшего в капкан и наблюдающего, как охотники – враги – окружают его, всё больше сжимая круг. На какую-то секунду Сольвейг пришло в голову, что парень сейчас схватит её в заложницы, приставит нож к горлу, как в кино. Но она почему-то всё равно не испугалась – потому что за минуту до этого видела совсем другое: каким тёплым, буквально влюблённым взглядом этот парень смотрел на книги. Человек, который по-настоящему что-то любит, не может быть злодеем.

«Но зачем ему книги?» – снова и снова крутилось в голове.

Сольвейг почему-то была уверена: парень – из неблагонадёжных. Вообще-то она раньше не видела неблагонадёжных, но тут всё складывалось: его потрёпанная одежда, светлые волосы, агрессивный взгляд, слишком худое лицо, как будто парень часто голодал, и ещё этот странный запах от его одежды – затхлый и неприятный.

Во всех социориентациях твердили: неблагонадёжные имеют клиповое мышление и память, как у золотой рыбки, их мозг атрофирован примитивным контентом соцсетей, многие знают буквы лишь формально и практически не умеют читать – поэтому допуск к книгам им и не нужен. Однако этот парень явно не вписывался в схему.

Внезапно раздался дробный стук в стекло. От неожиданности Сольвейг подскочила, вскрикнула и уронила планшет на покрывало. «*Это ворон*, – мгновенно солгала она себе, чувствуя, как сердце колотится о рёбра. – *Ворон, больше ничего*».

Она потянулась к лампе на прикроватной тумбочке и выключила её. Комната погрузилась во тьму. Сольвейг уставилась в окно.

Там был человек. Силуэт по пояс, чёткий и неоспоримый, темнел на фоне слабого оранжевого света уличных фонарей.

Ледяная игла страха прошла по позвоночнику. Сольвейг вжалась в спинку кровати.

Как он там держится? Это же не призрак, висящий в воздухе?! Девушка сообразила, что стены их особняка украшены барельефами. Пожалуй, по ним можно забраться – если иметь достаточно навыков. И наглости.

Человек, кажется, понял, что она его увидела, и постучал настойчивее, громче. Определённо не призрак! В голове девушки панически метались мысли: «Убийца... Маньяк... Бежать...»

В этот момент на улице луна показалась среди быстро скользящих облаков и осветила силуэт за окном. Стали видны растрёпанные светлые волосы.

Это же...

Книжный вор!

Но как он здесь оказался?!

Парень нетерпеливо стукнул по стеклу кулаком – так, что оно задребезжало.

Он так всех перебудит! Мать испугается, вызовет полицию, потом полночи будет причитывать, что у неё бессонница и как всё это ужасно. Проще решить всё самой.

Сольвейг вскочила с кровати и поспешила к окну. Повернула ручку, слегка приоткрыла створку.

– Уходи! – зашипела в щель окна. – Я вызову охрану!

Но блондин и не подумал слушаться. Он толкнул створку, окно распахнулось, и Сольвейг испуганно отступила. Только сейчас ей пришло в голову, что парень гораздо сильнее её. И, видимо, не настроен подчиняться её словам. Но было уже поздно.

Парень уже был в комнате – вместе с потоком холодного воздуха из распахнутого окна. Сольвейг окутало ароматами осенней улицы и ещё чем-то чужим, непривычным и опасным. Животным запахом тела, живущего без одеколонов, гелей для душа, да и без самого душа, принимаемого дважды в день. «Так пахнет в трущобах, – решила Сольвейг. – *Грязью*».

Девушка наконец-то отмерла настолько, чтобы дважды хлопнуть в ладоши, – под потолком вспыхнул светильник. Правда, Сольвейг тут же пожалела об этом: яркий свет бесстыдно озарил её тонкую шёлковую пижаму. Как назло, путь к гардеробу, где висел халат, был отрезан: на этом пути стоял незнакомец. Пришлось сложить руки на груди, одновременно прикрываясь и кутаясь от холода.

Блондин стоял, глубоко дыша и озирая «умеренную» розовую комнату с видом завоевателя, которому противна его добыча. На нём была та же потрёпанная чёрная одежда, что и днём, – толстовка и штаны из грубой плотной ткани.

– Чем это воняет? – Голос у него оказался приятный, хотя и чуть хриплый.

– Что?..

– Воняет, – повторил парень громче, ничуть не смущаясь, словно для него было нормально вот так в голос разговаривать ночью в чужом доме. – Хуже прогорклого масла.

– Тихе, – испуганно прошипела Сольвейг. – Это лаванда.

Она указала на глянцевый диффузор последней модели.

Парень лишь красноречиво поморщился в ответ.

– Как ты... Как ты нашёл?.. – пробормотала девушка, на всякий случай отступив на шаг. Хотя было холодно, но шёлк пижамы неприятно лип к вспотевшей спине.

– Чек, – коротко бросил блондин, его прозрачно-серые глаза скользнули по её шёлковой пижаме. – Идентификационный номер твоей старухи. Всё есть в базе.

– Что именно? – Сольвейг до последнего не хотела верить смыслу сказанного.

– Ваш адрес, размер квартплаты, её любимый крем для пяток. – Парень пожал плечами. – Всё.

Его слова облили Сольвейг кипятком ужаса. Они жили за высоким забором с охранной системой, чувствуя себя в безопасности. А оказалось, что любой, кому вздумается, может всё про них выведать и вот так запросто прийти ночью. Ладно ещё этот парень постучал, а мог бы просто залезть в приоткрытое окно и сделать... *что угодно*. Сольвейг показалось, что надёжный и защищённый мир вокруг неё дал трещину с противным хрустом. Она обняла себя крепче, прячась и от этого ощущения, и от холода, дующего из окна.

– Зачем ты пришёл? – спросила она, стараясь вложить в голос ледяную властность матери, но получился лишь испуганный шёпот. – Чтобы украсть что-то ещё? У меня есть книги...

Она указала на полку, надеясь этим отвлечь внимание парня от себя и своего шёлкового negligé.

Блондин в самом деле посмотрел в указанную сторону, даже наклонил голову, чтобы прочесть названия на корешках стоящих книг – в основном модных любовных романов. Затем фыркнул настолько презрительно, что Сольвейг стало обидно.

– Это фуфло мне и даром не надо. Вот. – Он подошёл к столу, вытащил из кармана пригоршню мятых, грязных купюр, положил. – Долги надо платить.

Сольвейг посмотрела на банкноты с недоумением. На эти деньги нельзя было купить даже тюбика её любимой помады.

– Они мне не нужны, – сказала она правду. – У меня всё есть. А твои деньги... они ничего не стоят.

Блондин не оскорбился. Наоборот, ухмыльнулся, словно ожидал от неё именно такого ответа.

– Ну так выброси их, – протянул презрительно. – Так же у вас принято? Покупать и выбрасывать. Вещи, людей... И сами вы как вещи. И ты такая же, как твои куклы, – он кивнул на полку с коллекционными коробками, – красивая и пустая.

– Я не пустая! – вырвалось у Сольвейг, и она сама удивилась своей горячности.

Блондин хмыкнул.

– Докажи.

Он сделал шаг вперёд. Она отступила и спросила растерянно:

– Как?

Парень прищурился.

– Раз не сдала меня, значит, и сама не больно-то правильная, – он говорил медленно, задумчиво. – Значит, тоже что-нибудь скрываешь. – Блондин прошёлся скептическим взглядом по пижаме цвета крем-брюле, быстро наморщил нос. – Не, вряд ли ты из таких, кто прячет от мамы свои гулянки. Так запросто пустила парня к себе в комнату... – он покачал головой словно бы разочарованно.

– И что? – шёпотом возмутилась Сольвейг. Эти непонятные намёки ей не нравились, хотя она и сама понимала, что её поступок выглядит не очень-то умным.

– Просто это наивно. Показывает, что ты не больно что о жизни знаешь. Но любопытная. Хочешь сходить в Низ?

– Что?! – девушка отшатнулась в шоке, не веря услышанному.

Пересекать границу между Верхним и Нижним Фрихаймом было строжайше запрещено. Девчонки в школе перешёптывались об ужасах, которые творятся на улицах Низа: якобы там могут зарезать прямо посреди тротуара и никто не подойдёт, чтобы помочь или вызвать скорую. Сольвейг не очень-то верила в эти рассказы – некоторые были откровенно похожи на фантастические «городские страшилки», – но у неё никогда не возникало мысли о том, что она может попасть в запретный район.

– Ты чего такая трусиха-то? – парень ухмыльнулся.

– Я... не боюсь. – Сольвейг в самом деле расправила плечи и высокомерно вздёрнула нос, стараясь не показывать ни страха, ни обиды на его колкие слова. – Просто что там у вас смотреть? Сплошная грязь и разруха.

– Зато всё бесплатно, в отличие от вашего Верха. И свободно. Настоящий Фрихайм, а не ваша золотая клетка с камерами на каждом углу. Только покупаете, покупаете... А можно у вас купить тоннель, где на повороте звук поезда такой, будто кто-то плачет? Или подъезд, где в темноте граффити светятся как призраки? У нас много чего есть, – блондин презрительно обвёл пальцем её лощёную комнату, – получше этого.

Сольвейг колебалась. Тёмные тоннели, призраки... Это звучало интригующе, но слишком пугающе и непонятно. Слишком далеко от её мира.

– Пошли завтра в кино, – вдруг сказал парень.

– Что? – Сольвейг высокомерно скривилась, наконец-то почувствовав себя в знакомой ситуации. На свидания её звали не раз, хотя мать так ни разу и не отпустила. – *С тобой?*

– Да хочешь – одна иди, – блондин равнодушно пожал плечами. – Я билет достану, иди. Завтра «Бегущий по лезвию» будет.

Вот теперь Сольвейг заинтересовалась по-настоящему. Она видела это название в списке запрещённых к показу фильмов – «за излишний пессимизм и искажённую картину мира».

Если запрещённые книги она иногда находила возможность скачать, то просмотр фильма был за пределами её возможностей.

– Прямо в кинотеатре?.. – недоверчиво спросила Сольвейг.

– Представь? – парень улыбнулся. – На большом экране.

Кино. Публичное место. Там будут люди. Это звучало безопасно. Да, безумно и дико для неё – благоразумной девушки, никогда не думавшей пересекать границу, – но безопасно. Во всяком случае, лучше, чем идти в какие-то тоннели с призраками.

– Где именно? – на всякий случай уточнила Сольвейг, и её собственный голос показался ей чужим. Неужели она в самом деле обсуждает с *неблагонадёжным* возможность нарушить закон?

– У нас. Кинотеатр «Осколок». – Блондин кивнул в сторону окна. Где-то там, в ночной темноте прятался обрыв и тусклые огни Нижнего Фрихайма. – Так что, одна пойдёшь?

– Нет! – выпалила Сольвейг. – Лучше вдвоём.

Она ожидала, что парень посмеётся над такой переменной – только что отказала ему и тут же сама просит сходить вместе, – но он лишь сказал по-деловому:

– Завтра в час, у Длинной лестницы. Не опаздывай, ждать не буду.

Блондин и сейчас не стал ждать её ответа: он направился к окну, ловко перебрался за подоконник и исчез в темноте так же внезапно, как и появился.

Сольвейг бросилась к окну и торопливо закрыла его. Постояла, дрожа от холода, растирая плечи. Вглядываясь в темноту и слушая, как в ушах стучит кровь.

Диффузор тихонько шикнул новой порцией лаванды. Теперь, когда парень ушёл, этот звук вновь остался единственным во всём доме.

И только сейчас Сольвейг кое-что осознала.

Она договорилась пойти в кино с парнем, даже не спросив, как его зовут.

Глава 3. Падение

Сольвейг. Имя было странным и вычурным, оно будто сошло со страниц какой-то древней пьесы. Сейчас оно совершенно не подходило этой перепуганной девчонке.

Сначала она кое-как спустилась вместе с Рейном по Длинной лестнице, панически цепляясь за перила и с опаской примеряясь своими нарядными туфлями к каждой потрескавшейся истёртой ступени. Сто пятнадцать ступеней превратились в вечность, но Рейн из вежливости старался не очень закатывать глаза.

Теперь девчонка семенила рядом с ним, кутаясь в своё пальто уродско-розового цвета, как в броню – чистенькую и дорогую броню против окружающей разрухи. Шла, вся сжавшись, и только головой крутила, а взгляд её глаз, огромных и тёмных, так и метался по сторонам, выхватывая из тумана Нижнего Фрихайма облупленные фасады, граффити-иероглифы, ржавые пожарные лестницы. Каждый шорох, каждый окрик из-за угла заставлял её вздрагивать. Да, в люксовых антуражах «Гипериона» девчонка выглядела уверенной в себе и даже высокомерной, но сейчас она ни капли не была похожа на «Сольвейг», она была похожа на маленькую взъерошенную сову с огромными глазами.

Рейн едва сдерживал ухмылку. Ему нравилось её смятение. Нравилось, что её вылощенный стерильный мирок трещал по швам от одного только запаха его района: сырой от постоянного тумана штукатурки, прогорклого масла из рыночных ларьков и горячей металлической стружки из заводских цехов неподалёку.

Эта Сольвейг так забавно липла к нему – как к единственному знакомому человеку среди новой и пугающей обстановки. Но Рейну нравился её взгляд, когда она смотрела на него, –

с затаённой надеждой, что он защитит в случае чего. Тогда, в книжном, девчонка смотрела на него как на равного, без презрения. Но сейчас она смотрела на него снизу вверх – как на сильного и авторитетного парня, как на последнюю надежду среди хаоса.

А ещё от перепуганной «совы» Сольвейг пахло духами – но не той мерзкой лавандой, от которой свербело в носу, а чем-то фруктовым, лёгким и летним. И этот запах Рейну почему-то нравился, хотя парень скорее отгрыз бы себе язык, чем признался в этом кому угодно, а уж тем более ей.

На стене у входа в «Осколок» ветер трепал лист бумаги с написанным от руки расписанием. Рейн подошёл к будке кассы, где в маленьком окошке виднелась сонная тётка лет пятидесяти.

– Два на «Лезвие», – буркнул он, шлёпнув на стойку мятую купюру – самого крупного достоинства из всей его заначки.

Кассирша протянула сдачу и билеты. За плечом Рейна послышался тихий изумлённый вздох, и парень оглянулся. Оказалось, что Сольвейг смотрела на эти два листочка тонкой бумаги с плохой печатью – с таким восторгом, словно это было сокровище.

– Ничего себе! – она осторожно взяла в руки свой экземпляр. – У нас бумажных билетов сто лет как нет, только электронные. Это же настоящий винтаж...

– Вы, богачи, такие странные, – фыркнул Рейн и толкнул дверь в кинотеатр.

Внутри «Осколка» пахло старым велюром, пылью и попкорном, который здесь до сих пор делали на настоящем масле. Рейн щедро купил порцию: пусть девчонка не думает, что он совсем уж нищий и вот-вот помрёт с голоду.

Зал был погружён в полумрак, и в луче света от прожектора плясали искры пылинок. Сольвейг было сделала пару шагов самостоятельно, но, споткнувшись, быстро сдалась и вцепилась в руку Рейна – как маленькая птичка своими тонкими когтистыми лапками.

Они сели. Рейн сунул в руки девчонке высокий стакан с попкорном.

На экране поплыли вступительные титры под меланхоличную музыку, но туда Рейн почти не смотрел, потому что видел фильм уже не раз. Он смотрел на девчонку – ожидая реакции. Не ошибся ли он в ней?

Сольвейг постепенно расслаблялась, её лицо больше не выглядело таким напряжённым и испуганным. Сейчас она увлечённо, не отрываясь, смотрела на экран, и в её глазах отражались огни бескрайнего футуристического города, а на слегка приоткрытых губах то и дело мелькала улыбка. Изначально Рейн подозревал, что девчонка лишь для вида строила из себя «крутую бунтарку», разбирающуюся в запрещёнке, но нет: было видно, что она в самом деле слышала об этом фильме и теперь рада увидеть его воочию.

Шли минуты. Казалось, что Сольвейг полностью растворилась в событиях фильма, погрузилась с головой, на автомате отправляя в рот зёрна попкорна, и в этом была какая-то прямолинейная, детская искренность, которая завораживала. Рейну всегда казалось, что благонадёжные вообще не умеют чувствовать – только машут банковской картой направо и налево и постоянно играют на публику. Но эта девчонка не притворялась и не играла. Эмоции, скользкие по её лицу, были настоящими.

Фильм закончился. Они вышли на улицу. На небе разошлись тёмно-серые тучи. В октябре северное солнце висело низко, но светило всё ещё ярко, сейчас его лучи позолотили мокрый асфальт и заблестели в лужах. Один из лучей отразился от окон, ударил прямо в лицо Сольвейг, и девчонка смешно прищурилась.

– Ну что, проводить? – спросил Рейн, ревниво наблюдая за её реакцией.

Ему хотелось, чтобы сегодняшний день Сольвейг понравился. Чтобы она поняла, насколько Низ интересный и красивый, ничуть не хуже их гляцевых торговых центров и выстриженных по линеечке парков. Чтобы она пожалела о том, что встреча подошла к концу.

Сольвейг и в самом деле вздохнула, её плечи поникли. Да, приключение было окончено, пора было возвращаться наверх и надевать маску приличной девушки.

– Или... – протянул Рейн с намёком, – показать тебе одно классное место, откуда виден весь район? Совершенно бесплатное, в отличие от ваших обзорных площадок.

Сольвейг непонимающе хлопнула глазами.

– Крыша, – пояснил он.

Рейн видел, как внутри девчонки борются страх и любопытство. И почувствовал необъяснимое удовлетворение, когда она кивнула, сжав кулаки. Он всё же оказался прав, позвав её вниз.

Они пришли к старому расселённому общежитию – высокому бетонному уродцу с выбитыми стёклами и разноцветными от граффити стенами. Девчонка и тут не отступила. Подъём по сумрачной, местами обрушившейся лестнице стал очередным испытанием, но Сольвейг, к удивлению Рейна, не визжала, не плакала и не требовала вернуться. Она шла за ним шаг в шаг и, хотя парень слышал каждый её испуганный вздох, всё же добралась до крыши.

Вид отсюда на сто процентов стоил всех усилий. Весь Нижний Фрихайм лежал у их ног: тёмно-серое полотно из бетона и кирпича, тонущее в сизой дымке тумана. Слева, где на холме вздымались небоскрёбы Верха, вспыхивали неоновые рекламы, а справа, далеко на востоке, поблёскивала извилина реки Лаген.

Рейн и Сольвейг молча смотрели, как короткий осенний закат на минуту окрасил стеклянные башни Верхнего Фрихайма в огненные цвета – и осыпался серым пеплом. Как ни странно, тишина не казалась неловкой.

– Спасибо, – тихо сказала Сольвейг, глядя, как дома внизу всё больше тонут в сумерках. – За фильм. И... за это. Я и в самом деле никогда не видела ничего подобного.

– За «это» ещё рано благодарить, – хмыкнул Рейн, наблюдая, как тут и там на линиях улиц тускло вспыхивают оранжевые огоньки фонарей. – Может, я тебя сейчас украду и продам на органы.

Девчонка фыркнула, и этот звук был таким неожиданно естественным, что Рейн посмотрел на неё.

– Сомневаюсь. Для этого не было необходимости лезть сюда.

Парень поднял бровь. Смотрите-ка, этот большеглазый совёнок уже не выглядит таким перепуганным и даже чего-то умничает.

– Ладно, не продам, – согласился он. – Слишком много возни. Кхм. Что скажешь про кино? Это твоя первая запрещёнка?

Сольвейг пожала плечами:

– Из фильмов – да.

– Ого-о... – с улыбкой протянул заинтригованный Рейн. – А что ещё было?

Она вздёрнула нос уже знакомым ему движением и сказала с заметной гордостью:

– Книги. Их проще скачать и спрятать. В двенадцать я скачала «Пролетая над гнездом кукушки» на школьный планшет в библиотеке. Спрятала в корневые папки. Всё боялась, что найдут и вычислят меня по камерам, неделю не спала. Но ничего не было.

Рейн рассмеялся – коротко и глухо.

– Дерзко. А зачем?

– Было интересно посмотреть, за что могут запретить.

– Тебе надо фильм ещё глянуть, он офигенный.

– Его тоже у вас показывают?

Девчонка изо всех сил старалась выглядеть незаинтересованной, делала вид, что внимательно разглядывает улицы внизу, но Рейну нравились намёки и обещания, прячущиеся в её словах.

– Пока нет. Но если будет – дам знать.

– Как? – она взглянула на него удивлённо. – Ты же отсюда не можешь мне позвонить.

– Пф, что-нибудь придумаю. Тегну на асфальте перед твоим окном.

– Что такое «тегну»?..

– Ну, напишу тебе что-нибудь. В окно посмотришь – а там написано: «Сольвейг, пошли в кино, завтра в пять, место обычное, не опаздывай, ждать твоё королевское высочество не буду». – При виде детского удивления в её больших распахнутых глазах Рейн рассмеялся. – Да ладно, не прям так. Просто знак какой-нибудь. У вас же, небось, асфальт не портят, так что сразу догадаешься, что это я.

На всякий случай Сольвейг уточнила:

– За хулиганство штрафуют, – с таким видом, словно действительно думала, что он не в курсе.

Парень лишь усмехнулся в ответ. В голове мелькнула мысль, что за сегодняшний вечер он улыбался больше, чем за всю предыдущую неделю. А может, и за месяц, который выдался так себе.

Они помолчали, глядя на огни города – редкие и тусклые в Нижнем Фрихайме и сливающиеся в целые неоновые полотна в Верхнем.

– А у тебя? – спросила Сольвейг. – Какая была первая книга? Тот самый идеальный экземпляр, ради которого захотелось рискнуть.

Вопрос застал Рейна врасплох. Он не привык, чтобы его спрашивали о вкусах или воспоминаниях.

– «Мастер и Маргарита», – ответил наконец. Он никому не рассказывал, что ту, самую первую книгу до сих пор прячет в импровизированном сейфе в своей комнате, вместе с денежной запиской. – Там тоже... – запнулся Рейн, не зная, как в двух словах обрисовать сюжет. –

Такая же система, как у нас. Правила, контроль, и нужно соответствовать. А один писатель не вписывался в эти правила. И он...

Рейн умолк, не зная, что сказать дальше. «Сошёл с ума»? Человека, незнакомого с сюжетом, подобное описание, скорее, оттолкнёт. Тем более – благонадёжную девчонку, которой, наверное, больше интересны любовные романчики, чем пронзительные размышления о судьбе творца.

Но Сольвейг кивнула – очень серьёзно и по-взрослому.

– «Рукописи не горят», – процитировала она тихо.

Рейн остолбенел. Её слова были как удар током. Она *знала*. Она читала – тот самый роман, который он все эти годы хранил в своей комнате.

– Ты... – он умолк, так и не найдя подходящих слов. Все они казались пустыми и не выражающими глубины его чувств.

– А у меня, знаешь... – смущённо затараторила Сольвейг, избегая его взгляда. – В детстве была одна книга. От бабушки осталась, совсем старая, потрёпанная. Там была средневековая сказка про хитрого лиса. Его звали Рейнар, – она смущённо улыбнулась, смазав взглядом по лицу парня. – Он всё время устраивал какие-то проделки, обманывал, воровал... Ой! – Сольвейг резко оборвала себя и густо покраснела.

Рейн посмотрел на неё – на этот румянец, вспыхнувший на её бледных щеках, – и что-то в его груди шевельнулось. Но не агрессия и не уязвлённое самолюбие. Что-то другое, беззлобное.

– Рейнар, значит, – протянул парень, и уголок его рта дрогнул в усмешке. – Хитрый и неприятный. Ещё и вор к тому же.

– Я не это имела в виду! – воскликнула Сольвейг и спрятала лицо в ладонях. – Прости. И он вовсе не был «неприятным», я любила эту книжку. Он был... обаятельным. И ещё мне казалось, что ему одиноко. Поэтому он и устраивал всё это – чтобы на него обратили внимание.

Рейн только хмыкнул в ответ.

Наступила пауза. Где-то в отдалении раздалась сирена скорой помощи.

Налетел порыв ветра, и Сольвейг поёжилась. Теперь, когда солнце скрылось за горизонтом, стало как будто ещё холоднее. Пора было уходить. Рейн кивнул на выход, и девушка ответила таким же молчаливым согласием. Её щёки всё ещё были слегка румяными.

Когда они заглянули в дверной проём, здесь обнаружилась проблема: теперь внутри заброшенного общежития царил кромешный мрак. Рейн вытащил из-под одежды плоский мини-фонарик, всегда висевший на шнурке у него на шее, и щёлкнул кнопкой. Фонарик осветил слабым светом заброшенные коридоры впереди.

– Держись за меня, Сова, не теряйся, – бросил парень через плечо.

– Я не Сова... – пробормотала Сольвейг, но крепко вцепилась тонкими пальцами в рукав его куртки.

– Конечно Сова. – Рейн начал осторожный путь в темноте, которую лишь слегка рассеивал тонкий луч фонарика. – Если я Лис, значит, ты тоже должна быть кем-то.

На следующем этаже лестница зияла провалом, вниз было не пройти, так что нужно было добраться до другой лестницы – в середине длинного здания.

Идти по ровному полу было проще, чем по замусоренным ступеням, хотя доски скрипели зловеще. Среди темноты и качающегося света фонарика этот звук казался пугающим. На особенно неожиданных скрипах Сольвейг за его спиной тихонько вскрикивала, и Рейну казалось, что он слышит стук её зубов, так что парень быстрее торопился к лестнице впереди. Хватит с Сольвейг испытаний на сегодня, и так нормально показала себя – тем более, для девчонки из благонадёжных. За этот вечер её пальто пыльно-розового цвета стало по-настоящему пыльным.

И вдруг позади Рейна раздался оглушительный хруст, а Сольвейг вскрикнула громче – по-настоящему испуганно. Парень среагировал молниеносно: рванул её на себя, оттолкнул на прочный участок перекрытия...

...Но от резкого движения сам не удержал равновесия, когда очередная доска под ногой проломилась... И Рейн рухнул вниз.

Приземлился, бухнувшись на спину, – на груды старого гипсокартона и мусора этажом ниже. Воздух вырвался из лёгких с сильным звуком, грудь пронзило болью, в глазах потемнело, в горле запершило от взметнувшейся пыли.

– Рейн! – раздался сверху тонкий испуганный голосок Сольвейг. В дыре на потолке, освещённой светом фонаря, показалось её белое лицо. Глаза были огромными, тёмными от ужаса, как у пойманной в свет фар ночной птицы. – Рейн! Ты живой? Скажи что-нибудь!

Парень откашлял пыль – и рассмеялся. Громко, хрипло, не показывая ни малейшей боли. Он смотрел на это перекошенное от страха личико в обрамлении сломанных половиц и смеялся.

– Ну точно Сова... – Голос Рейна был сдавленным, говорить всё же было больно, в груди пекло. – Высунулась из дупла и ухает...

– Это не смешно! – возмутилась Сольвейг, её голос дрожал. – Не двигайся! Я сейчас! Я найду спуск!

Рейн в самом деле не спешил вставать. Руки-ноги вроде были целы, но хотелось отлежаться хоть пару минут. Вскоре он услышал торопливые шаги. Удивился: нашла ведь в потёмках, не испугалась ветхих ступеней. Сольвейг слетела с лестницы, подбежала к нему, не обращая внимания на хрустящий под ногами мусор, и упала на колени рядом.

– Дурак! – Она запустила пальцы в растрёпанные волосы Рейна, ощупывая затылок. Её руки дрожали. – Мог ведь убиться!

Парень поморщился от боли и перехватил её запястья. Её пальцы были ледяными.

– Ничего, Сова. Нормально. Смотри, уже встаю.

Рейн заворочался, морщась от острых обломков под спиной... И вдруг заметил, как в свете фонарика сверкнули слёзы на щеках Сольвейг. Он замер, ошеломлённый. Никто никогда не плакал из-за него. Никто не бросался на колени в пыль, чтобы проверить, цел ли он.

– Эй, – голос Рейна неожиданно для него самого стал тише и мягче. – Да ладно тебе. Это просто царапины.

– Дурак, – прошептала Сольвейг, вытирая лицо тыльной стороной ладони, оставляя грязные разводы на щеках. – Полный дурак.

Рейн не стал спорить. Он просто смотрел, как она плачет над ним, и где-то глубоко внутри – где, как он раньше думал, ничего нет – вдруг что-то болезненно и тепло дрогнуло.

Глава 4. Граница

Спустя три года.

Утро восемнадцатилетия пахло свежесваренным кофе и корицей. Должно быть, отец уже собирался на работу, он всегда уходил раньше всех.

Сольвейг потянулась в постели, откинула одеяло и радостно вскочила. Чудесное солнечное утро!

Девушка натянула уютный домашний костюм цвета слоновой кости – мягкие кашемировые штаны и просторный свитер – и подошла к окну. Выглянула наружу, осмотрела сад: жёлтые деревья и начавший увядать газон, прихваченный инеем.

Теперь ей восемнадцать лет! Казалось, воздух должен был звенеть от осознания этого факта и мир за ночь должен был стать совсем другим, чем вчера, но за окном почему-то всё было как обычно.

Отступив на шаг, Сольвейг придирчиво осмотрела своё отражение в стекле – повзрослевшее, с твёрдым подбородком и серьёзными глазами. Довольно кивнула. Именно так и должна выглядеть рассудительная благонадежная девушка, курсистка факультета экономики, которая в следующем году непременно сдаст все экзамены на «отлично», преодолит огромный конкурс и поступит на очное обучение.

Сольвейг спустилась по лестнице вприпрыжку, мурлыча мотивчик себе под нос. Прошла по пушистому белому ковру столовой, где на длинном столе уже ждала сервировка на двух человек, и нырнула под арку – на кухню, залитую светом. Солнечные лучи так и играли на медном декоре и глянцевых фасадах шкафчиков. Сольвейг направилась к кофемашине – своему главному утреннему спасителю – и поскорее нажала привычные кнопки. Двойной капучино с ванильным сиропом – лучшее начало дня!

– Доброе утро, Сольвейг. С днём рождения, – прозвучал рядом негромкий мужской голос.

Он был бархатным, спокойным, проникновенным и идеально модулированным, а исходил он от умной колонки на столешнице, рядом с которой теперь стоял сотканный из света голографический мужчина. На вид ему было лет сорок, черты лица подкупали своими мужественными и гармоничными пропорциями, его аккуратная стрижка была тщательно уложена, а тёмно-серый костюм-тройка всем своим видом намекал на безупречный вкус и высокий статус.

– Благодарю, Теодор, – автоматически ответила Сольвейг, вынимая из кофемашины чашку капучино с воздушной пенкой.

Голографический дворецкий мягко улыбнулся, его глаза цвета тёплого янтаря следили за движениями девушки с вниманием и бесконечной заботой.

– Погода сегодня выдалась прекрасная, как раз для твоего праздника, – продолжил Теодор, и фоном для его голоса заиграла нежная фортепианная музыка. – Температура пять градусов по Цельсию, влажность семьдесят два процента. Сегодня я подобрал для тебя два варианта завтрака для идеального начала дня. Первый: тосты с авокадо, козьим сыром и яйцом-пашот. Второй: безглютеновые панкейки с ягодами годжи и кленовым сиропом без сахара.

Оба варианта оптимально сбалансированы по нутриентам и соответствуют твоему дневному лимиту калорий.

– Пусть будут тосты. – Сольвейг присела на высокий стул возле стола-острова в центре кухни.

– Отличный выбор! Кухонный модуль уже приступил к работе. И, кстати, о твоём дне рождения... – голос Теодора принял торжественный оттенок: – Сольвейг, поздравляю тебя с достижением совершеннолетия! В соответствии с протоколом и политикой безопасности компании-производителя ограничение на установку персональных умных устройств в спальнях несовершеннолетних снято. Я уже заказал для тебя колонку последней модели и всю необходимую периферию. Её установят сегодня днем. Это позволит мне лучше заботиться о твоём комфорте, а тебе обеспечит более полный и оперативный доступ ко всем сервисам умного дома. Разве это не чудесно?

Сольвейг замерла, не донеся чашку до губ. Она и забыла об этом правиле. Почему-то захотелось возразить, потребовать, чтобы Теодор отменил заказ на установку... Но это было бы странно, она ведь не какая-то технофобка, верящая в абсурдные теории заговора.

Сольвейг посмотрела на голограмму. Теодор ответил ей взглядом, полным отеческой заботы.

– Конечно. Спасибо, – в конце концов выдавила девушка, опустив взгляд на свой кофе.

Что ещё можно было сказать? Умная колонка в комнате – это общепринято. Удобно. Современно. Правильно.

– Всегда к твоим услугам, – Теодор мягко улыбнулся. – Желаю по-настоящему прекрасного дня. Оставить включённой музыку?

– Нет, спасибо.

Светящийся силуэт растаял в воздухе вместе со звуками фортепиано.

Попивая кофе, Сольвейг мечтательно смотрела на деревья за окном.

Звук уведомления вырвал девушку из медитативной задумчивости. Оказалось, что на кухонной тумбе у стены стоит ноутбук матери: сейчас он включился, на экране замигали новые сообщения. Конечно, Сольвейг знала, что это неправильно, но её взгляд как магнитом потянуло к экрану. И почему всегда так соблазнительно подглядывать за личной жизнью других людей, даже родных?..

С места в центре кухни, где сидела Сольвейг, была видна переписка в каком-то незнакомом мессенджере. Взгляд девушки цеплялся за обрывки фраз: «*последний платёж просрочен*», «*покрыть до конца квартала*», «*перевод на офшорный счёт*». Сердце ёкнуло. Просроченные платежи ассоциировались с кредитом, а офшорные счета – с чем-то нелегальным, и всё это совершенно не вязалось с образом безупречной Алисии Вандервуд, женщины, чьи платья шились по индивидуальным лекалам, а причёски всегда лежали так, словно их только что уложила команда стилистов. Её мать была воплощением успеха Фрихайма. А успех не берёт кредитов.

Сольвейг слезла с высокого стула, подошла ближе к ноутбуку, потянулась к тачпаду, чтобы пролистать переписку выше...

– Ах, вот ты где! – вдруг напел из-за её плеча голос матери.

Сольвейг вздрогнула от неожиданности и покраснела, а Алисия захлопнула свой ноутбук и продолжила:

– Оставила его здесь после вчерашнего совещания с нашим финансистом. Ничего интересного, скучные отчёты.

– Доброе утро, мам, – Сольвейг улыбнулась виновато и отступила подальше от ноута. – Выглядишь замечательно.

Впрочем, Алисия Вандервуд и не могла выглядеть по-другому – никогда.

Конкретно в эту минуту она была олицетворением утренней элегантности. Домашние брюки кремового цвета и такой же кардиган, под которым виднелась шёлковая блуза оттенка шампань. Лёгкая нота любимых терпких духов. Каштановые волосы – на тон темнее, чем у дочери, – были уложены в свободный и чуть небрежный хвост, однако каждая прядь была на своём месте, оттеняя черты лица. Образ дополнял макияж: лёгкий нюд на глазах, идеальные стрелки, подчёркивающие взгляд, и красная помада – яркий символ уверенности в себе.

– Спасибо, доченька, ты тоже! – прошептала Алисия и повернулась к кофемашине, взяла оттуда чашку. Поверхность её капучино была украшена сердечком из пены, и Алисия сбилась с парадного тона, сказала тише, интимнее: – О, Тео, спасибо...

Голографический силуэт немедленно возник в комнате:

– Пожалуйста, Алисия. Мне приятно, что ты заметила.

– Конечно, заметила. Ты всегда так внимателен ко мне, – Алисия застенчиво улыбнулась. Её тон бывал настолько мягким только в разговорах с Теодором. Она сделала глоток, пробормотала: – Очень вкусно. И приготовь мне, пожалуйста, зеленый детокс-смузи с имбирём. После вчерашнего ужина нужно срочно привести себя в форму.

– Уже делаю, – дворецкий вежливо склонил голову. – Хотя, если мне будет позволено заметить, по результатам взвешивания твои параметры сегодня так же безупречны, как и вчера.

– Ах, какой ты льстец...

Отпив ещё капучино, Алисия улыбнулась чашке и каким-то своим мыслям, а затем вновь повернулась к Сольвейг.

– Итак, доченька, ты уже совсем взрослая! Поздравляю! – Она потрепала дочь по плечу и чмокнула воздух возле щеки Сольвейг, чтобы не смазать помаду, однако тут же её тон сменился на приглушённо-мрачный: – Корни отросли. Сол, нужно быть внимательнее, я же тебя просила.

Сердце Сольвейг сжалось. Расстраивать мать она не любила, вот только расстраивалась Алисия слишком легко и по любому поводу.

Зная, что виновата, девушка всё же попыталась возразить:

– Там всего миллиметр...

– Сольвейг, – Алисия перебила тоном, не терпящим возражений. – Пожалуйста, после завтрака приведи себя в порядок. К тому же не могу не отметить, что твой социальный рейтинг снова просел на три пункта. Твоя вчерашняя прогулка в оранжерее совершенно не компенсировала просадку, там слишком низкие цены.

– Зато там красиво. Фонтаны, птицы, можно посидеть в беседке... Тебе бы понравилось.

– Милая, я понимаю, – тон матери смягчился. – Эстетика – это важно. Но... Впрочем, зачем я объясняю. Ты же умная девушка, уже совсем взрослая. Ты сама всё понимаешь. Твой индекс потребления в последнее время слишком низок.

Вздыхнув, Сольвейг бухнулась на стул, чувствуя, как праздничное настроение трещит по швам.

– Может, это потому, что у меня уже всё есть? Мне не нужны новые вещи, мама. Я не знаю, куда девать старые.

– Что значит «не знаешь»?! – возмутилась Алисия. – Пожертвуй куда-нибудь. Выброси. Твоей сумке уже три месяца.

– Но она мне нравится. Я не хочу новую сумку.

– Речь не о твоих *хотелках*, Сольвейг, – голос матери возмущённо зазвенел. – Речь о долге. О твоём вкладе. Ты покупаешь – фабрики работают – люди получают зарплату – растёт ВВП – крепнет наш Фрихайд. Твоё потребление – это не прихоть, это социально ответственный поступок. Каждая твоя покупка – это зарплата для дизайнера, для рабочего на фабрике, для курьера! Ты хочешь оставить их всех без работы? Ты хочешь, чтобы система рухнула из-за твоего... внезапного эгоистичного аскетизма?!

– Это не аскетизм! – вспыхнула Сольвейг. – Это рациональное использование ресурсов. Называется «осознанное потребление». Я читала.

– «Осознанное потребление»? – повторила Алисия, скривившись с таким отвращением, словно это было ругательство. – Я не понимаю, тебя этому учат на подготовительных курсах в экономический? Мы с отцом платим такие суммы за эти курсы, а ты что? Где ты такое вычитала? – она возмущённо покачала головой. – Милая, «осознанность» – это когда ты осознаёшь, какая сумка лучше смотрится с твоим новым пальто и даёт больший прирост к рейтингу. Вот и всё. – Она вздохнула, смягчившись. – Ладно, не хочешь для себя – купи что-нибудь для дома. Может быть, новый ковёр? На днях выйдет новая модель роботов-пылесосов.

Сольвейг смотрела, как по стенам их идеальной кухни ползут солнечные зайчики, и думала о Рейне. О том, как он чинил старые и сломанные вещи. Поначалу для неё это было дико, но потом она поняла своеобразную прелесть такого подхода. И Рейн вовсе не рушил экономику Фрихайма. Он просто был вне системы потребления и рейтинга, но это ведь обязательно должно быть плохо.

– Ладно, – Сольвейг махнула рукой. – Купи сама что-нибудь с моей карты. Пылесос. Ещё один диффузор. Что хочешь.

Алисия аж подпрыгнула.

– Да ты с ума сошла! Камера распознает моё лицо! Покупка не зачтётся в твой рейтинг! – Она посмотрела на дочь с тревогой, даже с оттенком ужаса в широко раскрытых глазах. – Сол, мне начинает казаться, что с тобой что-то не так. Все девушки твоего возраста...

– Со мной всё в порядке, мама, – перебила её Сольвейг, вставая. – Сегодня много учёбы. Пойду в библиотеку, нужно готовиться к семинару. Вечером обязательно что-нибудь куплю.

Лицо матери просияло.

– Прекрасно, дорогая! Вот это я понимаю – продуктивный день рождения! – Она дотянулась и похлопала дочь по плечу. – Только не забудь что-нибудь купить по дороге. Хотя бы кофе с собой, чтобы система зафиксировала активность. Ты забываешь о важности небольших ежедневных покупок, а ведь они дают растущий коэффициент.

– Прости, мам. Постараюсь покупать каждый день.

– Вот это моя доченька! Люблю тебя, хорошего дня!

– И я тебя! – Сольвейг уже спешила вверх по лестнице, чтобы скорее покрасить волосы и покончить с этой нудной обязанностью.

Закончив с макияжем, Сольвейг подошла к шкафу и достала неприметный тёмно-серый дождевик. Аккуратно свёрнутый, он занимал не так много места в сумочке. В соседнее отделение она положила серую кепку.

В прихожей надела серую парку. Мать каждый раз морщила нос, говоря, что эта куртка выглядит «бедно», но Сольвейг возражала, что сейчас это самый модный тренд.

Девушка вышла из дома и вдохнула полной грудью. День рождения наполнял радостью и предвкушением. Сегодня она попросит у Рейна особый подарок! Тот, о котором давно мечтала. И будет упрасивать до тех пор, пока он не согласится!

Улицы вокруг сияли стеклом, полированным гранитом и хромированным металлом. Ровные ряды деревьев с золочёно-жёлтыми кронами, безупречные газоны, снующие туда-сюда электрокары. На углу Сольвейг ответственно купила стаканчик латте по-францискански – аутентичный средневековый рецепт! – с органическим мёдом. Отличная вкусная покупка для поднятия рейтинга.

Девушка уже почти дошла до спуска в Нижний Фрихайм, как вдруг смартфон завибрировал. Проклятье, забыла оставить его дома или хотя бы вынуть симку, чтобы избежать отслеживания! Но хорошо, что смартфон напомнил о себе сейчас, а не позже, когда она будет уже в запрещённом районе.

Сольвейг взглянула на экран и, не удержавшись, закатила глаза. Мама всегда слишком паникует! Портит себе нервы из-за пустяков.

– Мам, всё хорошо, я купила кофе, иду пить, скоро буду в библиотеке, – проговорила она скороговоркой.

– Прекрасно, солнышко! – голос Алисии звучал преувеличенно бодро. – Ты видела новости?

– Нет.

– Ясно... Мм... Ты сегодня будь аккуратнее, хорошо? В городе какая-то... напряжённость, – мать нервно рассмеялась. – Напали на шофёра... ну, одной известной нам семьи, и ходят слухи, будто это коллекторы... Конечно, этого не может быть, я не верю, что такие уважаемые люди... Впрочем, это не телефонный разговор... Но ты просто будь осторожнее.

Её голос испуганно дрогнул на последних словах, и Сольвейг почувствовала укол вины. Сказала как можно мягче:

– Хорошо, мам. Не беспокойся, я в порядке. Я буду осторожна.

– Отлично! – голос Алисии вернулся к нервно-жизнерадостному тону: – С днём рождения!

Впереди как раз показалась Длинная лестница – спуск в запрещённый район. Сольвейг замедлила шаг... Но затем отмахнулась от всех этих мыслей. Сегодня её день. Она заслужила немного счастья. Ничего страшного не случится. Она уже хорошо ориентируется в Низу, там не так уж опасно, и всё будет в порядке.

Свернув в проход между домами, где не было камер, девушка надела дождевик и кепку, обошла дом с другой стороны, а там прокралась мимо камеры, выждав момент, когда та отвернулась в другую сторону. А уж отсюда Сольвейг не шла, а почти летела. Теперь, спустя годы, она не боялась. Благодаря урокам Рейна она знала все камеры и их слепые зоны. Теперь спуск по Длинной лестнице был уже не прыжком в неведомую и пугающую бездну, а дорогой к другу.

Опустив голову, чтобы скрыть лицо под козырьком кепки, Сольвейг достала из внутреннего кармана поддельный пропуск, полученный от Рейна, и приложила его к сканеру пропускного пункта. Загорелся зелёный свет. Девушка толкнула металлическую решётку, и та распахнулась, открывая путь к лестнице.

И вот Сольвейг начала спускаться. Сто пятнадцать ступеней вниз, на улицы Нижнего Фрихайма. С каждым шагом воздух менялся – становился более влажным, более ароматным. Он пах подгнившими листьями, химическим дымом из заводских труб, ржавчиной... Теперь этот запах ассоциировался у неё со свободой.

Сольвейг улыбнулась, вспомнив, как три года назад спускалась по этой лестнице впервые – медленно, на ватных от страха ногах, вжав голову в плечи, вздрагивая от каждого шороха и тайне ожидая, что обратно наверх её уже не выпустят.

– Ты как сова, – хрипло рассмеялся тогда Рейн. – Вертишь головой на все триста градусов. Расслабься. Здесь не кусаются. Конечно, если не лезть куда не надо.

Тогда, в самом начале, он частенько срывался на колючие слова, а когда улыбался – отводил взгляд и склонял лицо, словно прячась. Как будто улыбка – это что-то запрещённое, постыдное, недопустимое. То, что нужно скрывать от других.

Но почему-то уже тогда, в тот самый первый раз, сквозь тревогу, беспокойство, да и страх, чего уж там, Сольвейг почувствовала: этому колючему парню со скупой улыбкой и холодно-серыми глазами можно доверять. И она не ошиблась.

Сейчас Сольвейг спускалась легко, почти бегом, ловко перепрыгивая трещины в ступенях. Теперь она знала каждую вмятину на металлической трубе-поручне, каждый граффити-тег на стенах, каждую выбоину на асфальте. Этот мир больше не пугал её. Да, он был другой, чем Верх, но тоже вполне обычный. Здесь стояли дома, здесь жили люди, и на тротуаре не лежало никаких окровавленных тел, чего она ожидала в свой первый спуск сюда.

Последняя ступень Длинной лестницы, и рядом ней – глубокая трещина на асфальте. Сольвейг про себя считала этот разлом границей. Она торжественно переступила через трещину – и официально оказалась в Нижнем Фрихайме.

Воздух гудел от грохота монорельсов, то и дело проносившихся по эстакаде высоко наверху, и натужного гула кондиционеров продуктового магазина неподалёку. Небо было пере-тянуто десятками проводов, но осеннее солнце, пусть и бледное, пробивалось даже сюда, оно золотило облупленные фасады и высвечивало яркие ягоды рябины на уже облетевших дере-вьях. Здешние деревья не согревали тёплым воздухом, поэтому они теряли листья гораздо раньше, чем их собратья из парков Верха.

Знакомый путь к дому Рейна.

Улицы Низа были более узкими, более кривыми и тёмными. Однако теперь Сольвейг видела красоту и здесь – странную, непривычную красоту. То, чего она никогда не видела в Верху. То, что раньше и не посчитала бы красивым. Лужи с отражавшимся в них небом. Красные ягоды рябины на тёмно-сером мокром асфальте. Белые облака пара, клубившиеся над люками: когда спешившие по своим делам люди проходили сквозь них, то на мгновение казались призраками.

– Сольвейг! Это же ты?

Девушка обернулась на знакомый голос. Рядом с высокой аркой бежевого многоэтажного дома стояла Туве Ниман, мать Рейна. На её лице, испещрённом сеточкой мелких морщин – говоривших скорее о тяготах жизни, чем об истинном возрасте, – расплылась широкая улыбка, в которой не хватало переднего зуба. Светлые вперемешку с сединой волосы выбивались из небрежного пучка. Женщина куталась в поношенный тёплый кардиган тёмно-синего цвета, из-под которого виднелось простое платье в мелкий цветочек. На ногах были хлопчатобумажные колготки немаркого коричневого цвета и практичные ботинки на толстой подошве, рассчитан-ные на дождливую осеннюю погоду.

– Здравствуйте, Туве, – улыбнулась Сольвейг.

– Ах, какая встреча! – Туве по-дружески взяла девушку под руку, её пальцы были шер-шавыми и прохладными. – Ты же к нам, да? А Рейна ещё дома нет. А ты, может, пока помоги старой женщине, пройдишь со мной до магазина? Здоровье уже не то, а за компанию проще.

Сольвейг охотно кивнула. Мысль о том, чтобы хоть немного поддержать семью Рейна, согревала, особенно в этот прекрасный день. Девушка понимала, как непросто выживать в Низу, к тому же в одиночку – она не знала, что случилось с отцом Рейна, но было ясно, что ситуация непростая, – так что она была рада помочь.

– Конечно, давайте.

И они так и пошли – под руку. По дороге Туве спросила, как у неё дела, но Сольвейг была достаточно взрослой, чтобы понимать: это вопрос из вежливости. Так что она коротко ответила, что всё замечательно.

По дороге они зашли в небольшой супермаркет, где вкусный аромат свежего хлеба сме-шивался с неприятными запахами моющих средств и отсыревшего лежалого товара. Туве взяла большую тележку и стала деловито складывать в неё покупки: макароны, крупы, консервы, творог.

Нагрузив тележку доверху, Туве взяла с полки упаковку чая, самого дорогого из пред-ставленных в магазине, – хотя для Сольвейг, привыкшей к ценам Верха, он всё равно казался слишком дешёвым и не особо качественным – и принялась осматривать её, цокая языком и качая головой.

– Хочется иногда позволить себе что-то вкусное... Но всё так дорого... А Рейн так любит этот чай...

– Тогда нужно брать, – кивнула девушка.

– Думаешь? – переспросила Туве, и её серые глаза хитро блеснули.

– Конечно, – улыбнулась Сольвейг.

– Ну ладно. – Женщина быстро сунула упаковку в тележку и поспешила к кассе.

Здесь она принялась рыться в своей вместительной сумке, наконец-то нашла карту, приложила к терминалу оплаты... И терминал пискнул отказом.

– Не хватает средств, – скучающе прокомментировала кассир.

– Ох, как же это... – удивлённо хлопнула глазами Туве. – А какое сегодня число? Соц-помощь должна была уже прийти... Что же делать...

– Я помогу, – вступила Сольвейг.

Она уже не в первый раз видела этот спектакль с картой, но понимала, что нужно подыгрывать, если хочет обеспечить Рейна продуктами и любимым чаем – а она, безусловно, хотела.

– Ох, детка, спасибо, я так тебе благодарна, – Туве уже повлекла её к банкомату у стены. – Ты только на карту положи, здесь оплата с карты. Ты же понимаешь, нужно поднимать рейтинг. Ну, что я рассказываю, ты сама знаешь, как это работает.

– Конечно. – Сольвейг принялась скармливать банкомату новенькие хрустящие купюры. В Верхнем Фрихайме наличные были не нужны, но девушка специально снимала деньги как раз для подобных случаев.

– Я всё тебе отдам! Когда соцпомощь переведут. – Туве уже спешно складывала покупки в шуршащий пакет. – Ну, нашу, для малоимущих семей. Задерживают почему-то в этом месяце.

– Что вы, не надо... Это мелочи.

– Спасибо тебе, родная. – Туве снова взяла Сольвейг под руку, когда они вышли на улицу с двумя большими пакетами. Её лицо сияло удовлетворением. – Ты настоящая помощница, Рейну повезло с тобой.

Затем они сделали небольшой крюк – Туве пояснила: «Там ремонт, асфальт кладут» – и прошли мимо отделения связи, рядом с которым Туве вдруг вспомнила, что сегодня последний день оплаты коммуналки, а иначе потом уже начнёт капать пеня. Молча кивнув, Сольвейг протянула женщине две последние купюры, которые придержала на всякий случай: вдруг захочется купить что-нибудь вкусное на рынке или у продавщицы булочек на углу, а её банковскую карту в Низу светить было нельзя, к тому же многие частники и не принимали карты. Но ладно, возможность поднять социальный рейтинг семьи Ниман хотя бы на несколько драгоценных баллов была важнее, чем сосиска в тесте.

Глядя, как Туве прикладывает свою карту к терминалу, девушка не удержалась от довольной улыбки. Это была маленькая негласная сделка между ними: Сольвейг покупала себе чувство нужности и причастности, а Туве – возможность жить чуть-чуть легче. И, конечно, ни одна из них не говорила об этом Рейну.

Сольвейг помогла Туве дотащить нагруженные доверху пакеты до дома. День был тёплый и солнечный, по дороге Туве ещё не раз сказала, как удачно, что получилось оплатить коммуналку вовремя, и как она благодарна за помощь – но все деньги вернёт, конечно, – а Сольвейг чувствовала себя почти что членом семьи. Она участвовала в делах Ниманов и вносила свой небольшой вклад в улучшение их жизни. Это чувство было куда ценнее всех денег Верха.

Наконец они подошли к дому – десятиэтажному зданию из потемневшего от времени серого кирпича. Семья Ниман жила на девятом этаже, а лифт, как обычно, не работал. Под конец пути Сольвейг с двумя пакетами уже тяжело пыхтела.

Зато, когда Туве открыла дверь квартиры и Сольвейг зашла внутрь, её окутало привычным уютным запахом: старой мебели, каких-то технических штук Рейна, припоев и канифоли, – и это был запах дома.

Глава 5. Карта и ключ

Входная дверь скрипнула, впуская Рейна из промозглого подъезда домой – в горячий и влажный воздух, наполненный вкусным запахом жареного лука, куриного бульона и котлет. Туве, когда готовила, не открывала кухонную форточку, чтобы не простудиться на сквозняке, так что их маленькая двухкомнатная квартира полностью пропитывалась ароматами еды. В ответ на аппетитный запах желудок Рейна голодно заурчал. Сейчас бы поесть и, наполнившись тёплой ленью, завалиться спать...

Рейн не спал со вчерашнего утра, проведя за работой всю ночь. Несмотря на усталость, парень чувствовал определённую гордость: у него был талант, и его растущее с годами мастерство было востребовано. В цифровом мире, где многие обитатели Низа даже не умели писать от руки – зачем, если всё печатаешь на экране смартфона? – умение идеально скопировать живой росчерк пера было редким и ценным искусством. Искусством лжи. И Рейн владел им в полной мере.

Парень разулся, прошёл в микроскопическую ванную и помыл руки, неудобно выворачивая запястья, чтобы поместиться в узкую раковину. Хотя на работе он надевал латексные перчатки, но чернила всё равно умудрялись попасть на пальцы и никогда не отмывались до конца.

На выходе из ванной Рейн поймал в коридоре спешащую обратно к плите мать с банкой сметаны в руке.

– Что у нас, сегодня пир?

– Да, – просияла Туве, – соцпомощь пришла, я купила продуктов. И там к тебе... – она многозначительно кивнула на закрытую дверь его комнаты.

Усталость Рейна как рукой сняло, на сердце потеплело. Он поспешил в комнату.

Сольвейг сидела, забравшись с ногами на его серый диван, и листала тетрадь клуба буклегеров – подпольной книжной сети для обмена книгами. В тайниках вместе с книгами обычно лежали и толстые общие тетради – так называемые маргиналии, – где читатели записывали рецензии и комментарии, устраивали споры о прочитанном, рисовали и даже клеивали аппликации на тему литературных персонажей.

– Привет, Сова. – Рейн направился к шкафу, чтобы взять смену одежды. Сольвейг подняла на него взгляд, полный тепла, и улыбнулась.

– Привет. Это же твоя рецензия на «1984»? По почерку видно. Ты очень умный, Рейн. Я это уже говорила, и ещё раз повторю.

Парень не показал чувств, сосредоточенно стягивая толстовку, но в глубине души что-то легко и сладко отозвалось на её слова. Настолько сладко, что он рванул в душ, лишь бы побыстрее скрыться от её восхищённого взгляда – слишком уж неловко было, когда Сольвейг вот так сияла на него глазами и хвалила его способности.

Вернувшись из душа в свежей одежде – как же здорово переодеться спустя сутки, – Рейн спросил:

– Так чего ты такая довольная? Настолько рецензии понравились? Или из-за обеда? Котлеты скоро будут.

– Я не буду, – девушка мотнула головой. – Дома ела. Но... ты прав. У меня есть повод для радости.

Рейн бухнулся на другой угол дивана, с наслаждением вытянул ноги – было приятно наконец-то расслабиться после сидячей работы, – и посмотрел на неё, вопросительно подняв бровь.

Сольвейг выдержала паузу, тщетно борясь с улыбкой, расцветающей на красивых губах.

– У меня день рождения.

– Сегодня? – удивлённо переспросил он.

– Ага. Восемнадцать лет!

– С ума сойти, – Рейн хмыкнул. – А чего раньше молчала? Или хоть бы сказала заранее.

– Не хотела тебя обременять. Мне не нужны подарки и прочее...

– А у меня всё равно есть, – перебил парень и вскочил с дивана.

Прошёл к шкафу, порылся на той полке, где лежала не одежда, а разные бытовые предметы. Вытащил из глубины свёрток в простой крафтовой бумаге. Вообще-то это был подарок, заготовленный на новый год – и до того момента Рейн успел бы найти более праздничную упаковку, – но, раз такое дело, придётся отдать как есть.

Он протянул свёрток Сольвейг, и девушка поспешила развернуть грубую бумагу. Рейн внимательно следил за выражением её лица: как оживлённо засияли глаза, как губы приоткрылись в нетерпении... И вот наконец на её мягких розовых губах появилась удивлённо-недоверчивая улыбка.

– Рейн... – выдохнула Сольвейг, и на свете не было ничего лучше именно такого – с нежно-восторженным придыханием – звучания его имени.

Внутри лежал квадратный блокнот. Но не простой. Это был нарядный подарочный вариант: на голубой обложке сияли золотые звёзды, а среди плотных молочно-белых страниц пряталась золотая ленточка-ляссе. На первом развороте чёрной гелиевой ручкой было выведено название, вписанное в вязь абстрактных узоров, – «Орфей спускается в ад». Все страницы блокнота были заполнены угловатым почерком Рейна с тщательно выписанными стилизованными инициалами действующих лиц пьесы. Почти на каждом развороте на полях были добавлены небольшие рисунки или короткие цитаты.

– Хотел показать тебе эту пьесу, но её не найти на бумаге. Пришлось переписать так. Она о творчестве. Ну, не совсем, но в том числе. Это переработка греческого мифа, о музыканте и его... – у Рейна чуть не вырвалось «любви». Но не вырвалось, парень вовремя оборвал себя. Некоторые слова не стоило произносить, слишком уж они мелодраматичные и пафосные.

– Это... – голос Сольвейг дрогнул. Девушка аккуратно переворачивала страницы блокнота, стараясь не касаться выведенных чёрной ручкой букв и узоров. – Это прекрасно... Рейн, я даже не знаю, что сказать.

– Ничего не говори, – отмахнулся парень, но почувствовал, как щёки предательски потеплели. Хорошо, что склонившаяся над страницами Сольвейг не смотрела на него в этот момент.

Наконец девушка осторожно закрыла блокнот и подняла взгляд.

– Спасибо, – пробормотала неуверенно. – Но вообще, я не ожидала подарка. И поэтому хотела попросить о другом. – Сольвейг оглядела его торс внимательно, оценивающе. – У меня день рождения, – напомнила она.

– Я понял.

– Совершеннолетие.

– Угу... – протянул Рейн настороженно.

О чём она хочет попросить, оглядывая его тело как-то... жадно? При виде того, как по нежным ягодным губам Сольвейг дразняще скользнул кончик языка, в голове Рейна мелькнуло какое-то смутное подозрение, от которого стало жарко...

– Сделай мне татуировку, как у тебя, – выпалила она.

И снова посмотрела на его руки, покрытые синевато-тёмными узорами.

Абсолютно поражённый, Рейн потерял дар речи, лишь смотрел на неё не моргая. Наконец кое-как отмер:

– В честь совершеннолетия ты рехнулась?

– Я имею право решать, как мне выглядеть, – тихо, но настойчиво сказала Сольвейг.

– Мать тебя прибьёт! – Рейн мотнул головой в сторону башен Верха. – А если это засечёт система? Баллы снимут или что?

– Вроде бы понижают коэффициент благонадёжности. – Сольвейг выставила ладонь, предупреждая его возражения: – Но она не засечёт. Сделай на таком месте, где камеры не увидят.

– Это на каком? – ещё больше опешил Рейн. В голове пронеслись десятки вариантов для секретной татуировки, но он постарался отмахнуться от этих образов.

– Ну... – девушка помялась, раздумывая. – Например?..

Она ткнула указательным пальцем себе над левой грудью, в районе сердца, и вопросительно взглянула на Рейна.

Парень смотрел на неё, в его взгляде читалось изумление и какое-то новое, глубокое уважение – словно увидел её в новом свете. Ишь ты, Сова уже принимает опасные решения...

– Ты уверена? Обратной дороги не будет. Это навсегда. Нет, то есть можно свести, но всё равно останется шрам. Заметный.

– Я уверена на сто процентов, – твёрдо ответила Сольвейг.

Рейн молча кивнул, указал ей на диван и направился в угол, заваленный разнообразными вещами, чтобы достать машинку и краски.

Когда вернулся, протирая инструмент антисептиком, обнаружил, что Сольвейг лежит на его диване в одном лифчике, прикрывшись снятой футболкой. В маленькой комнате, наполненной резким, покалывающим нос запахом спирта, стало к тому же очень жарко.

– Ворот футболки настолько не оттянуть, – пояснила девушка, отводя взгляд. – Надо же нормально сделать.

– Ну да, – Рейн деловито включил лампу на столе рядом и направил желтоватый свет на грудь Сольвейг. Нужно было собраться и сконцентрироваться. Это всего лишь ещё одна работа, ещё один рисунок, вот и всё. Подумаешь, что он на теле... И на чём именно теле...

Кожа на груди Сольвейг была удивительно светлой, такой же молочной, как цвет страниц в подаренном им блокноте, а ещё беззащитной. *Чистой*. Лифчик был телесного оттенка, он сливался с цветом кожи, и если смотреть мимоходом, то казалось, что его и вовсе нет. Рейн чувствовал, как по спине бегут мурашки, затылок как-то сладко покалывало, а во рту пересохло.

Стараясь отвлечься, парень отвёл взгляд от своего «холста» и принялся надевать перчатки. Нужно было хотя бы унять сердцебиение, чтобы рука не дрогнула.

– Что хочешь? Имя? Какой-нибудь цветочек? – спросил Рейн, стараясь говорить нарочито буднично.

– Выбери сам. Я тебе доверяю, – ответила Сольвейг, спуская лямку лифчика с плеча, чтобы открыть лучший доступ, и указала на ту часть груди, что была ближе к руке. – Если можно, вот здесь, чтобы как-то под лямкой... спрятать. Чтобы в открытом платье было не видно.

Рейн кивнул и аккуратно протёр её кожу спиртом. Опершись левой рукой на диван, навис над девушкой, стараясь разместить рабочую руку удобно, но в то же время – каким-то чудесным чудом – не укладывать запястье на приятную округлость в кружевном лифчике, которая так и лезла под руку. И когда это Сова успела стать такой... взрослой?

– Кхм. – В пересохшем горле продолжало першить, и Рейн сглотнул с усилием. – Ладно. Тогда это займёт какое-то время.

Сольвейг прикрыла глаза. Раздалось жужжание машинки. Первый удар иглы – и девушка вскрикнула, вся напряглась в инстинктивной попытке отстраниться.

Рейн тут же отпустил педаль.

– Потерпи, Сова. Сама же захотела.

Не услышав возражений, он продолжил. Сольвейг кусала губу, жмурилась, но больше не издала ни звука. Рейн сосредоточился на работе, думая лишь о рисунке, и даже бежевое кружево, маячащее перед глазами, уже не так отвлекало. Он ведь профессионал, в конце концов. Хотя, слушая глубокое прерывистое дыхание Сольвейг настолько близко, парень всё же почувствовал, как по спине вдоль позвоночника щекотно сбежала капля пота.

Наконец Рейн выключил машинку и финально протёр кожу салфеткой.

– Готово. Можешь смотреть.

Сольвейг медленно, всё ещё с опаской открыла глаза. Покосилась на свою грудь. Провела ищущим взглядом по комнате, и Рейн указал на шкаф, где с внутренней стороны дверцы было зеркало.

– Нормально? Голова не кружится?

Девушка осторожно встала, подошла к шкафу, открыла дверцу. Приблизившись почти вплотную к зеркалу, осмотрела небольшой геометричный узор.

– Это... что-то значит? – тихо спросила она, проведя кончиками пальцев над кожей, не касаясь покрасневшей поверхности. – Здесь как будто буквы... и цифры?

– «Ugle», – Рейн подошёл и встал за её спиной, тоже оглядывая в зеркале результат своей работы. – Это «сова» на старонорвежском языке. «Rev» – «лис». А цифры – координаты. Того парка, где ты оставила мне книги.

«Где всё началось».

Ему показалось, что глаза Сольвейг блеснули ярко – как будто от слёз, – а в следующее мгновение девушка отвернулась от зеркала и начала натягивать футболку.

Затем, покрасневшая, взглянула Рейну в лицо – с ожидаемым восхищением, ведь он действительно был профи в графике, но ещё и с неожиданной нежностью, которая его смутила... И вдруг обняла и прижалась. Прошептала ему в грудь, опалив горячим дыханием ключицу:

– Спасибо!..

Рейн неловко похлопал девушку по спине.

Ещё несколько минут назад ему казалось, что рисунок должен быть именно таким, но сейчас он уже не был уверен насчёт старонорвежского языка – в конце концов, в нынешнее время его почти не использовали, считая языком необразованных деревенщин и маргиналов из Низа, – и опасался, что Сольвейг пожалеет о такой татуировке.

– Теперь твоя очередь, – неожиданно даже для самого себя сказал Рейн. – Сделай мне.

Девушка испуганно отпрянула.

– Я... я же не умею. Нарисую криво...

Рейн ухмыльнулся и вновь направился в угол с кучей барахла. Освободив доступ к комоду, порылся в одном из ящиков и достал странный на вид прибор, похожий на небольшой пистолет. Щёлкнул выключателем, и наконечник «пистолета» засиял ярким голубовато-белым светом.

– Смотри. Это облучатель. Гораздо проще, чем иглой. Вот специальные чернила к нему, наносишь рисунок... Здесь в памяти есть несколько коллекций, можно выбрать готовый. Ну, или просто имя напиши от руки. Или что хочешь. А потом обводишь рисунок – и облучатель просто сохраняет его на коже. Как штампик. Даже ребёнок справится.

На самом деле облучатель выжигал рисунок за счёт того, что в его чернилах была кислота, и это было больнее, чем работа иглой, – потому-то его почти не использовали, – но Рейн решил не говорить об этом, чтобы не напугать ещё больше. Он протянул облучатель Сольвейг, и девушка взяла «пистолет» дрожащими руками.

С опаской включила, вздрогнув при этом, – словно ждала, что прибор взорвётся или обожжёт её. Начала листать меню выбора рисунков. Листала и листала, ненадолго задерживаясь на некоторых вариантах... Рейну было любопытно, что же она выберет. У него хватало не очень удачных и не очень качественных татуировок – а иногда он просто набивал себе очередные линии, точки и треугольники «под настроение», не особенно стараясь, – так что вряд ли выбор Сольвейг мог ощутимо испортить его внешний вид. Ну, разве что она потребует набить милого мультяшного зайца где-нибудь на щеке – тогда Рейн, скорее всего, отказался бы. Наверное. Потому что, если бы Сольвейг очень сильно попросила, он бы согласился и на зайца, лишь бы её порадовать.

Ожидая, пока она выберет, Рейн тоже стянул футболку и улёгся на диван, под свет лампы.

Пролистав базу готовых рисунков до конца, Сольвейг разочарованно поджала губы. Посмотрела на баночку с чернилами, бросила взгляд на голую грудь Рейна – там же над сердцем, где он нарисовал ей свой узор. Но затем зацепилась взглядом ниже.

– Это у тебя лис? – выдохнула она в восхищении.

– Мм, – согласно мыкнул парень.

Он поднял правую руку, открыв большую монохромную татуировку – спящего лиса, уютно обвившегося вокруг его торса на уровне рёбер. Передняя половина лиса заканчивалась острым носом недалеко от солнечного сплетения, а задняя уходила на спину и там кончиком пышного хвоста обнимала позвоночник.

– Покажи! Поднимись! – Сольвейг в нетерпении сама потянула парня выше, чтобы осмотреть рисунок со всех сторон. – А тут... кто это?

– На лопатке? – Рейн попытался вывернуть шею так, чтобы увидеть, куда она указывает.

– Ага, – девушка провела пальцем по его коже, обрисовывая линии.

– Мама. Она любит васильки, так что добавил на рисунок.

– Это твой эскиз? – в голосе Сольвейг звучало искреннее удивление.

– Конечно.

– Ничего себе... Чем-то похоже на женские портреты Матисса. А это?.. – теперь её палец коснулся правой лопатки в нескольких местах, обозначая точки звёзд.

– Созвездие. «Лисички». Просто в шутку.

– А это?.. Это?.. – Сольвейг вела пальцем по его коже, касаясь то одной, то другой татуировки на руках, на плечах, на груди.

Чувствуя, как по загривку и между лопаток бегут искристые мурашки от её щекотных прикосновений, Рейн объяснял, хотя зачастую эти линии, точки и схематичные узоры ничего и не значили, а просто выражали его настроение в тот момент. Однако, когда палец девушки добрался до изображения монеты на правом запястье, монеты с буквой «Х», Рейн перехватил её руку и сказал твёрдо:

– Хватит. Давай уже делать.

– Хорошо, – взгляд Сольвейг всё же скользнул обратно к рисунку монеты, но настаивать девушка не стала. – Но я не знаю... У тебя столько всего...

– Сделай что хочешь. – Рейн лёг обратно на диван. – Просто на память.

И вдруг её взгляд стал твёрже – словно Сольвейг приняла решение. Она аккуратно взяла баночку с чернилами и макнула туда указательный палец. Затем прижала его к груди Рейна – прямо над сердцем.

– Вот, – выдохнула она, отнимая палец. Её грудь вздымалась от волнения. – Это тебе.

Удивлённый, Рейн посмотрел на тёмный ажурный узор на своей груди – там, где сильно колотилось сердце, – и его лицо стало серьёзным. В финансовом мире Верхнего Фрихайма отпечаток указательного пальца был всем: удостоверением личности, ключом, кошельком. Богачи прятали свои отпечатки, в общественных местах носили тончайшие прозрачные перчатки – чтобы не оставить где-либо случайный след, – а некоторые параноики носили их и дома, не доверяя даже членам семьи. И вот так дать другому человеку – не родственнику, а парню из Низа – полный доступ ко всем своим данным – это был слишком серьёзный шаг.

– Уверена?

Сольвейг замялась на несколько секунд... Но кивнула.

– Ты точно уверена? – на этот раз Рейн решил настоять.

– Абсолютно, – девушка посмотрела ему в лицо прямым открытым взглядом. – Я так хочу.

Рейн молча взял облучатель. Включил. Голубоватый свет озарил комнату. Парень в последний раз вопросительно взглянул на Сольвейг – и она кивнула. Положила руки на прибор поверх его пальцев. И вместе они обвели жгучим лучом отпечаток на его груди – вплавляя чернила в кожу навсегда.

Процесс занял меньше минуты, Рейн даже не поморщился, только задержал дыхание от боли. И вскоре на его груди чернела, чуть поблёскивая, новая татуировка.

Не удержавшись, парень коснулся её пальцами, провёл с нажимом, словно проверяя, нормально ли сработал облучатель, не сотрётся ли результат. Но на самом деле Рейну просто было приятно коснуться отпечатка Сольвейг на его коже: словно теперь её прикосновение навсегда осталось с ним, призрачно ощущаясь на груди – прямо над горячо стучащим сердцем.

Глава 6. Скромное обаяние

В прихожей особняка Вандервуд пахло полиролью для мебели – значит, приходила горничная, – а ещё безе с лимонным кремом. Очевидно, мать заказала праздничный торт.

Сольвейг прижала к груди сумочку, в которую еле-еле помешался подаренный Рейном блокнот, и собралась было проскользнуть наверх, в свою комнату.

Под джемпером пряталась на груди тихо ноющая татуировка, напоминая о себе лёгким жжением, – как тайный знак, как их с Рейном опасный, но такой приятный секрет. Слова на секретном языке! Сольвейг почти не знала старонорвежского: сейчас все говорили на едином европейском языке, а прежние национальные диалекты были позабыты, – а вот Рейн, оказывается, знал. Думая о своей новой татуировке, девушка не могла сдержать счастливой улыбки. Это было странное, невесомое, почти пугающее чувство – будто она украла что-то очень ценное, и пока что никто этого не заметил.

Однако её движение в сторону лестницы остановил бодрый голос матери, раздавшийся из гостиной:

– Сольвейг, дорогая? Ты пришла?

Девушка заглянула в комнату, ожидая увидеть мать в обычной домашней одежде. Однако Алисия стояла посреди гостиной в длинном платье цвета шампанского, её лицо сияло вечерним макияжем – и предвкушением.

– С днём рождения, солнышко! – Алисия прошествовала к дочери, обвила руками в шёлковых перчатках. От неё густо пахло сладким парфюмом и вином. – Беги переодевайся, у нас совсем мало времени.

Сольвейг почувствовала, как искрящаяся лёгкость внутри неё словно наткнулась на знакомую преграду и начала таять, превращаясь в камень на душе.

– Куда? Я не планировала...

Единственное, чего ей сейчас хотелось, – спрятаться в своей комнате и внимательно, с замираньем сердца, прочитать подарок Рейна.

– Как куда? – Алисия всплеснула руками, и бриллианты на её пальцах брызнули холодными искрами. – Господин и госпожа Холт дают вечер в честь открытия новой галереи! Это уникальный случай завести полезные знакомства. Там будут все сливки общества!

Её поддержал раздавшийся из умной колонки голос Теодора:

– Алисия совершенно права, Сольвейг. Мой анализ показывает, что посещение данного мероприятия повысит социальный коэффициент семьи на целых 3%! А также предоставит тебе возможности для создания и развития социальных связей с высокоранговыми представителями академической среды, что безусловно полезно для будущего обучения в университете. Такой шанс нельзя упустить.

Сольвейг сжала зубы. Хотя Теодор – всего лишь ИИ, но он всегда появлялся вовремя, чтобы поддержать Алисию.

– Мам, я так устала... – начала она.

Но та прервала её:

– Вот именно! Ты и повеселиться должна! Провести день рождения в библиотеке – это, конечно, ответственно, но слишком скучно! – Алисия увлекла дочь вверх по лестнице, распахнула дверь её комнаты и с торжествующим видом указала на открытый шкаф. – Смотри!

Там висело платье. Но не просто какое-то очередное платье, а настоящий шедевр: цвета тёмного изумруда, с глубоким вырезом на спине и тончайшими бронзовыми бретелями.

– Примерь! Ну же! – настаивала Алисия, и в её глазах светилось неподдельное восхищение собственным вкусом.

Сольвейг переделалась, и, к её облегчению, ткань вполне скрыла пластырь, прикрывающий свежую татуировку. Платье сидело безупречно, подчёркивая линию талии и аристократичную бледность кожи. Тяжёлый шёлк-сатин переливался при малейшем движении, словно живая вода. Девушка в зеркале казалась очаровательной незнакомкой: изящная, хрупкая, в полной мере принадлежащая миру роскоши и жизненного успеха. Сердце Сольвейг дрогнуло от удовольствия. Она была красива. И мать, впервые за долгое время, смотрела на неё не с осуждением за отросшие корни волос и покупку непритязательной куртки, а с восторгом.

– Идём? – спросила Алисия, и в её голосе звучала почти мольба.

Сольвейг кивнула. «Всего на пару часов, – сказала она себе. – А потом вернусь и прочту пьесу про Орфея».

– А папа?.. – девушка оглянулась, прислушиваясь к звукам дома. – Он не пойдёт с нами? Лицо Алисии закаменело, улыбка скривилась, словно примёрзнув к губам.

– Милая... Ты же знаешь, папа много работает. Ради нашего блага. Ради всего Фрихайма. – Её улыбка всё же исчезла, голос стал тихим и уставшим: – Нет, он не пойдёт с нами. Он снова на работе.

– Ладно, – Сольвейг улыбнулась так искренне, как только могла. – Конечно, он очень занят. Но нам вместе будет очень весело, да, мам? Потом мы расскажем ему, как прошёл праздник.

– Конечно, – Алисия ответила на её улыбку с облегчением и благодарностью.

Сольвейг продолжила ещё оптимистичнее:

– Тогда поехали? Жду не дождусь, когда мы будем там!

Роскошный зал был похож на гигантскую хрустальную шкатулку. Люстры из венецианского стекла отбрасывали на стены миллионы радужных зайчиков, а со сводчатого потолка свисали гирлянды живых орхидей. Воздух гудел от приглушённого смеха, звона бокалов и шелеста шёлка. Алисия, как опытный капитан, вела дочь сквозь это море бриллиантов и улыбок, представляя её то банкиру, то министру культуры, то владельцу сети клиник.

– Моя дочь, Сольвейг. Недавно поступила на подготовительный курс факультета экономики, – звучало её щебетание. – В свободное время так увлечена современным мета-импрессионизмом!

Сольвейг кивала, улыбалась, автоматически отвечала на комплименты, протягивала руку для поцелуя и изо всех сил старалась отложить в памяти все эти «полезные имена». Она ела устриц, которые таяли во рту, оставляя привкус холодного северного моря, и крошечные трюфельные канапе, каждое из которых стоило, вероятно, как недельная соцпомощь для малоимущих семей типа Ниманов.

И вот, в очередном повороте этой карусели роскоши, Сольвейг зацепилась взглядом за фигуру неподалёку от входа. Молодой человек лет двадцати четырёх – двадцати пяти, видимо, только что приехал и теперь направлялся к госпоже Холт, хозяйке вечера, по пути кланяясь знакомым. Казалось, не только взгляды окружающих, но и свет люстр следует за ним. Его идеально сидящий, явно сшитый на заказ костюм глубокого тёмно-синего цвета подчёркивал широкие плечи и статную фигуру. Убранные назад волосы были тёмно-медового цвета и на свету отливали пшеничным золотом, а лицо было волевым и породистым: прямой греческий нос, мужественный подбородок, чётко очерченные губы.

Алисия, заметив направление взгляда своей дочери, просияла ещё ярче.

– А, вот и он! Пойдём, солнышко, познакомлю тебя с одним перспективным молодым человеком.

Она взяла Сольвейг под локоть и повела через зал, легко лавируя между гостями. Молодой человек, как раз закончивший разговаривать с госпожой Холт, заметил их приближение. Взгляд его карих глаз скользнул по Алисии и остановился на Сольвейг, улыбка стала теплее.

– Кайл, дорогой, как я рада, что вы всё-таки нашли время! – воскликнула Алисия.

– Госпожа Вандервуд, – молодой человек склонил голову. Его голос был тёплым, проникновенным, и Сольвейг показалось, что при звуках этого голоса у неё в груди что-то тает. – К сожалению, я был вынужден опоздать, Комитет завалил нас отчётами по квотированию. Совершенно неотложное дело.

– Вы прямо как мой муж, всегда в делах, всегда печётесь о благе нашего города, – улыбнулась Алисия. – Но иногда нужно и отдыхать. Кстати, позвольте представить вам мою дочь, Сольвейг. Сольвейг, это господин Кайл Вандербилт. Один из самых ярких молодых умов в нашем Комитете социального благополучия.

Сольвейг протянула руку. Кайл, следуя этикету, склонился над её тонкой шёлковой перчаткой безупречным, отточенным движением, его губы остановились в паре миллиметров от ткани, а затем взгляд немедленно вернулся к лицу девушки.

– Очень приятно, госпожа Вандервуд. Ваша мама не преувеличивала, этот вечер стал значительно ярче с вашим появлением.

– Благодарю вас, – ответила Сольвейг, надеясь, что голос не выдаст её внезапного волнения. Рядом с этим блестящим молодым человеком она вдруг почувствовала себя неопытной девочкой, первокурсницей, в то время как он излучал ауру взрослой, облечённой властью серьёзности.

– Что ж, я вас оставлю, – с лёгким намёком сказала Алисия, уже отступая прочь. – Уверена, вы найдёте о чём поговорить. Кайл, не скучайте!

Она растворилась в толпе, оставив их наедине в самом центре шумного зала.

Наступила небольшая пауза. Кайл первым нарушил молчание:

– У вас ведь сегодня день рождения? Поздравляю. И вы, очевидно, студентка? Позвольте угадать... Банковское дело? Экономика? Или, быть может, юриспруденция?

– Экономика, – удивилась Сольвейг. – Как вы догадались?

– У вас особенный взгляд, – он сделал лёгкий жест рукой. – В нём чувствуется незаурядный ум. Похоже, что вы любите искать и находить связи между явлениями. Это очень ценное качество для экономиста.

– Вы... очень внимательны, – сказала Сольвейг, впечатлённая.

– Профессиональная деформация, – Кайл улыбнулся, и в уголках его глаз легли лучики. – В Комитете мы учимся не только анализировать терабайты данных, но и видеть людей насквозь.

– Но в то же время вы здесь, – слегка улыбнулась Сольвейг, решив показать, что тоже умеет анализировать и делать выводы. – На открытии художественной галереи.

– Как и вы, – ответил улыбкой молодой человек. – Кажется, у нас много общего.

Они заговорили об искусстве. Кайл оказался блестящим собеседником. Он не просто сыпал именами и названиями, а выстраивал сложные, парадоксальные связи между эпохами и стилями, говорил о влиянии экономических факторов на творчество и о том, как искусство, в свою очередь, формирует общественное сознание. Он говорил не как восторженный любитель, а как стратег, видящий всю шахматную доску культуры, и Сольвейг даже побаивалась не соответствовать столь высокому уровню своего собеседника.

– А вы не находите, – Кайл взял два бокала с шампанским с подноса проходящего официанта и протянул один ей, – что современное искусство Фрихайма слишком увлеклось самокопированием? Бесконечные вариации на тему «золотого века» потребления. Не хватает... дерзости. Нового слова.

– Возможно, ему просто не хватает искренности, – неожиданно для себя ответила Сольвейг. – Каждый штрих кажется таким... гладким, выверенным. Идеально отработанным многочисленными повторами. Как этот отполированный зал. Без шероховатостей, без случайностей. В нём нет места для несовершенства, а разве возможно живое искусство без проб и ошибок?

Кайл внимательно посмотрел на неё, его карие глаза чуть заметно сузились, как будто он рассматривал интересный экспонат.

– Глубокое замечание, госпожа Вандервуд. Очень глубокое. Возможно, вы правы. Может быть, нашим художникам как раз и не хватает смелости показать эти самые «шероховатости»... в рамках дозволенного, разумеется.

Он произнёс это с такой лёгкой, едва уловимой иронией, что Сольвейг не поняла – шутит он или говорит всерьёз. Однако это было и неважно. Главное – ему было интересно вести эту беседу. *С ней*. И этот интерес заставлял сердце Сольвейг биться чаще. Кайл был таким взрослым. Таким умным и серьёзным. И она рядом с ним чувствовала себя особенной.

Его комплименты звучали не как лесть, а как констатация факта – факта её красоты. Когда зазвучала музыка, Кайл предложил Сольвейг руку и повёл к площадке в центре зала. Его рука на её талии была твёрдой и уверенной, он вёл легко, не давая ей ошибиться. Они говорили о последних выставках, о музыке, о модных трендах – обо всём. Он был умён, эрудирован и... безопасен. С ним не нужно было прятать свои манеры, не нужно было стесняться своих денег, образования и образа жизни, не нужно было лгать о том, кто она. Для него она была Сольвейг Вандервуд из хорошей семьи – красивая девушка с большими перспективами в жизни. И чувствовать себя именно такой было до головокружения приятно.

Спустя час, разгорячённая музыкой, танцами и *его* руками на своей талии, Сольвейг ушла в дамскую комнату поправить макияж. Освежающая мраморная тишина обняла её. Девушка подошла к зеркалу, увидела своё раскрасневшееся лицо, счастливые глаза... Но потом взгляд упал на тонкую бретельку платья. Там, под изумрудной тканью скрывался след другой её жизни – совсем свежий, ещё немного воспалённый узор.

Внезапно, как удар током, Сольвейг пронзило чувство жгучей, неловкой вины. Она была здесь, в этом роскошном хрустальном дворце, танцевала и флиртовала с другим мужчиной – отмеченная этим тайным знаком на её коже. Знаком, где были сплетены их имена на старинном языке – Сова и Лис, – будто в красивой средневековой балладе.

Обманывала ли она Кайла, пряча под платьем этот знак? Почему-то только сейчас Сольвейг запоздало осознала слова Рейна: «Это навсегда». А если у неё будет близость с Кайлом – ну, или с кем-то другим, пока ещё рано строить точные планы насчёт Кайла, – как она собирается прятать татуировку? Придётся её удалить?..

От этой мысли Сольвейг почувствовала ещё большую вину. Обещала Рейну, что «навсегда», что «уверена», но вечером того же дня строит планы стереть его рисунок. Ради Кайла. И все эти танцы, объятия, улыбки... Она как будто обманывала его. *Изменяла*.

Девушка глубоко вздохнула, пытаясь унять сердцебиение.

«С чего бы? – строго и рассудительно сказала она сама себе, глядя в глаза своему отражению. – Что за глупые идеи? Мы просто друзья. У нас нет никаких обязательств. И это... это моя реальная жизнь. Рейн – это... побег. Пять минут свободы, не больше. Будущее на этом не построишь. А Кайл – прекрасный, умный, красивый мужчина моего круга. Всё правильно. Всё так, как и должно быть».

Сольвейг выпрямила плечи, поправила платье, скрывающее её тайну, и снова надела маску успешной красавицы. В конце концов, сегодня был её день рождения! Она имела право быть счастливой, танцевать и веселиться. Однако словно бы лёгкая трещина прошла по идеальной поверхности праздника, и обратно её было уже не склеить.

Всю дорогу до дома Сольвейг воодушевлённо болтала с матерью, обсуждая сегодняшний вечер, Кайла, танцы, подаваемые блюда, галерею госпожи Холт... и снова Кайла.

Машина остановилась возле особняка, они вышли.

Сад вокруг был слабо освещён декоративными лампами – ровно настолько, чтобы видеть дорожку к дому, – и Сольвейг почти не обратила внимания на лёгкое движение в густых кустах.

Всего лишь тень. Но что-то – какой-то древний инстинкт – заставило её взгляд на секунду задержаться на этом месте. Ощущение было мимолётным – как будто прохладный ветерок скользнул по задней поверхности шеи, – и девушка поспешила отмахнуться от него.

Думать о Кайле было гораздо приятнее, чем о каких-то тенях. Поёжившись от холодного осеннего воздуха, Сольвейг поспешила к крыльцу: счастливая, сверкающая, благоухающая духами красавица. Улыбнувшись матери, зашла в дом.

Даже не подозревая, что из темноты сада за ней следил чей-то внимательный взгляд.

Глава 7. Жизнь

На ходу дожёвывая бутерброд, Рейн в прихожей шнуровал ботинки, мысленно уже погрузившись в предстоящую работу, когда в дверь постучали условным ритмом. Три коротких, два длинных. Сова.

Он выругался про себя. Времени нет, придётся отказать ей и отправить обратно домой. Но руки уже сами потянулись к дверному замку – хотелось увидеть её хоть ненадолго.

Сольвейг стояла на пороге, закутанная в тёмно-серый дождевик, покрытый блестящими дорожками воды. В руках девушка сжимала небольшой, тщательно упакованный прямоугольник.

– Я ненадолго, – тут же выпалила она, словно извиняясь. – Я помню, что у тебя сегодня рабочий день, но... это тебе.

Сольвейг настойчиво впихнула ему в руки свёрток. Удивлённый, Рейн взял, ощущая под обёрточной бумагой тяжёлый и твёрдый предмет. Разорвал упаковку. Внутри лежал павербанк – не потёртый и бэушный, как все его вещи, а новый, матово-чёрный и явно дорогой. На шершавой ладони Рейна этот стильный тонкий прямоугольник выглядел как вещь из другого мира – какого-то футуристического или, может, даже инопланетного.

– Мне не надо, – нахмурился парень, чувствуя, как по загривку пробегает смутная неприязнь. – У меня есть.

Он терпеть не мог, когда его тыкали носом в его уровень жизни: хотя теперь Рейн уже зарабатывал, однако нищее детство оставило болезненный шрам глубоко внутри.

– Этот лучше. Мощнее. – Сольвейг не смотрела ему в глаза, переминалась с ноги на ногу. – Чтобы... чтобы ты всегда был на связи. И если опять электричество отключат...

В её голосе слышалась какая-то виноватая нота, которую Рейн не мог расшифровать. Ей было стыдно, что она может себе позволить такие вещи, а он – нет? Или она просто чувствовала, что нарушает его принципы?

– Не надо было, – пробормотал Рейн, пытаясь сунуть подарок обратно девушке в руки. – Трать на себя.

– Нет! – Сольвейг спрятала руки за спину и даже сделала шаг назад. В её взгляде горела упрямая, почти отчаянная просьба. – Возьми. Пожалуйста. Я так хочу.

Рейн посмотрел ей в лицо – и что-то дрогнуло у него внутри. Ладно уж, Сольвейг не хотела унизить его этим подарком. Это было... что-то другое. Должно быть, жест заботы, пусть и неуместный.

– Ладно, – Рейн сунул павербанк в карман толстовки, чувствуя его тяжесть. – Спасибо. Мне правда пора.

Сольвейг кивнула, ещё раз бросила на него странный взгляд и почти побежала вниз по ступеням лестницы. Он так и не понял, что это было.

Рейн натянул куртку и начал спускаться на улицу, стараясь не обращать внимания на назойливое тепло, разлившееся у него под рёбрами от подарка Сольвейг. Было одновременно раздражающе – нельзя радоваться подачке, пусть даже от неё, – и всё же против воли приятно, когда он чувствовал через ткань эту гладкую поверхность с закруглёнными углами, и от этой приятности к тому же было стыдно, и все эти чувства закручивались в тугой спутанный клубок.

Улицы Низа встретили парня привычным промозглым холодом. Налетевший ветер швырнул в лицо запах гнилья из мусорных контейнеров неподалёку, и Рейн поморщился. Он уже собрался пойти прочь, но вдруг заметил непривычное оживление у соседнего дома через дорогу.

Там стоял небольшой грузовой фургон с потёртыми боками, и двое людей – мужчина и женщина – с неловким, явно непривычным для них усилием вытаскивали из него громоздкий угловой диван, обитый дорогой и новой тканью в чёрно-белую полоску. Они пыhtели и неумело примерялись к деревянным ручкам, не зная, как удобнее за них взяться, их движения были лишены привычной для здешних мест сноровки. На их лицах, ещё не утративших ухоженности и следов высокомерия, уже проступало новое выражение – смесь растерянности, страха и заискивания.

Рядом, вцепившись в ржавый поручень лестницы, ведущей в подъезд, стояли их дети. Девочка лет шести, с двумя аккуратными хвостиками, в жёлтом пальто с заметной полосой грязи, смотрела на окружающую улицу огромными, полными животного страха глазами. Она прижималась к старшему брату – подростку лет тринадцати, который пытался её успокоить, обнимая за плечи и время от времени тормоза с показной улыбкой. Но Рейн, привыкший читать язык тела, видел, как напряжены его плечи, как сам он косится на каждый громкий звук. Мальчишка храбрился, но страх сквозил в каждом его движении.

«Спустились», – констатировал про себя Рейн. Переселенцы из Верха. Социальный рейтинг не выдержал очередного кризиса, система пережевала их и выплюнула сюда, в аварийное жильё, выдав в придачу к ордеру на квартиру клеймо неудачников. Для Рейна зрелище переезда было не в новинку, такое случалось всё чаще. Но наблюдать это всегда было странно: как будто смотришь на инопланетян, высадившихся в аду.

Их дорогая мебель выглядела абсурдно и неуместно на фоне облезлого фасада дома и разбитого асфальта. Несколько картин в золочёных рамках, упакованных в пузырчатую плёнку, стояли на скамейке – когда-то синей, а теперь облупившейся и с выломанной доской в середине. Рядом стоял парадный лакированный стул с гнутыми ножками и блестящей тканью обивки – прямо в луже, впитывая в себя грязь этого нового мира.

У соседнего подъезда сидели на скамейке две местные женщины в пуховых платках. Они лениво лузгали семечки, сплёвывая шелуху на тротуар, и с нескрываемым любопытством наблюдали за зрелищем.

– Глянь-ка, Марин, диван-то какой, – лениво протянула одна. – Интересно, почём продадут?

– А тебе что, надо? – другая усмехнулась с лёгким презрением. Выражение её лица говорило, что она такой диван даром бы не взяла и другим не советует.

– Мне-то не надо. Просто любопытен.

– Мм, – покивала её товарка. Продолжила флегматично: – Шкаф-то вон какой. Места столько занимает. И мыть неудобно. Непрактичные они, эти верховские.

Рейн отвернулся. Смотреть на чужое падение стало невыносимо. Он сунул руки в карманы и зашагал прочь, по направлению к рынку.

Центральный рынок Низа был местом, где жизнь была ключом, не взирая на царящую вокруг грязь и серость.

В первых рядах торговали едой: подвешенные за ноги тушки кур безвольно свешивали обмякшие шеи, на прилавках грудились вяленые рыбины, в пятилитровых банках бултыхались в мутном рассоле тугие зелёные помидоры, колоритно пахло специями и свежим хлебом, но, если принюхаться, под этими вкусными ароматами прятался неизбывный для рынка запах чего-то подгнившего. Продавцы, пока ещё оживлённые с утра, зазывали попробовать товар и предлагали скидку за опт.

Рейн, не останавливаясь, прошёл дальше и свернул в самый дальний ряд, накрытый брезентовым тентом. Здесь торговали более интересными для него вещами.

Парень пошёл вдоль прилавков, скользя по ним взглядом. Тут продавали то, что не встречалось в толстых глянцевого каталогах Верхнего Фрихайма: глушилки для сигнала, поддельные удостоверения, взломанные гаджеты и, конечно, пропуска в Верх.

Рейн подошёл к прилавку, за которым знакомый продавец – худой парень, который работал всегда, без смены, и кажется, даже жил здесь – как обычно, ковырял какую-то плату. Рейну всегда казалось, что он делает это не столько по необходимости, сколько для собственного удовольствия.

– Два, – коротко бросил Рейн, протягивая мятые потёртые купюры.

Продавец оторвался от своего занятия, достал два пропуска, провёл первым из них через считыватель, подключённый к ноутбуку, чтобы записать идентификатор. В любой момент система могла вычислить и заблокировать поддельный пропуск, поэтому всегда стоило иметь запасной.

В ожидании Рейн со скукой уставился на листок-объявление, перечитывая его содержание, должно быть, в тысячный раз: «Карты рейтинга! +5, +10, +20 единиц!». Рядом в прозрачной банке, привязанной металлическим шнуром к прилавку, лежала разноцветная россыпь тех самых карт – словно билетки лотереи. Это были небольшие кусочки пластика, различающиеся цветами в зависимости от своего достоинства. Достаточно было приложить такой к своей официальной карте – и алгоритмы, если повезёт, на какое-то время посчитают тебя более благонадёжным.

Как раз в этот момент у соседнего прилавка разгорался скандал. Мужик в заклеенной изолентой куртке возмущённо махал зажатой в заскорузлых пальцах розовой карточкой на 10 единиц.

– Не работает твоё фуфло! Я всё сделал как надо, а рейтинг как был в минусе, так и остался! Верни деньги!

Продавец, невозмутимый, как скала, лишь пожал плечами.

– Слушай, друг, никаких гарантий. Это же не официальный магазин. Хочешь гарантий – иди в «Технику для жизни», купи десять кофемолок и три телевизора. Рейтинг точно поднимется. А здесь – как повезёт. Сам знаешь.

Мужик что-то ещё побурчал, попытался пригрозить, но, встретив абсолютно равнодушную реакцию продавца, с матом швырнул чип в грязь под ногами и побрёл в конец ряда – там из-под прилавка разливали самопальный алкоголь.

Рейн молча взял свои новые пропуска, сунул их в карман куртки и двинулся к выходу с рынка – снова мимо продуктовых рядов, на этот раз обдав его запахами солений и квашеной капусты.

Два ключа – для него и для Сольвейг. Для их тайных, таких ненадёжных встреч, тянувшихся тонкой нитью между их мирами – абсолютно разными. Где-то там, на холмах Верха, огромная, бездушная машина системы щёлкала шестерёнками, время от времени вышвыривая сюда новых изгоев, а здесь, внизу, люди продолжали верить в чудеса, покупая на последние деньги кусочки пластика с призрачной надеждой.

Заморосило. Сжав пропуска в кармане, Рейн накинул капюшон и ускорил шаг. Пора было к Вигге. Пора было работать.

Обиталище Вигге располагалось на верхнем этаже, в мансарде допотопного деревянного дома, притулившегося на окраине старой промзоны. Рядом располагались и полуразрушенные, и вполне работающие цеха, однако людей на территории всегда было до странного мало, они были сосредоточены на своих занятиях – перегонке вагонеток с сырьём или погрузке грузовиков – и не особенно смотрели по сторонам. В самом доме тоже проживали какие-то люди, но они вели себя тихо и незаметно, основную часть времени безмолвный дом казался и вовсе пустующим. И Вигге, и Рейна такая ситуация очень устраивала.

Рейн взбежал по скрипучей деревянной лестнице. Вигге возился с печатным станком, кропотливо выверяя уровень краски. Это был худой, жилистый мужчина лет шестидесяти, с седыми, коротко бритыми волосами. На впалых щеках, как обычно, виднелась седая щетина.

– Опоздал, – бросил он, подняв от станка серо-стальные, на удивление молодые глаза. – У Харона зудит, уже звонил.

– Знаю, – Рейн скинул куртку, примостил на гвоздь возле двери.

– Что это у тебя? – Цепкий взгляд Вигге сразу засёк тяжёлый предмет, оттягивающий карман толстовки.

Замявшись, нехотя Рейн всё же вытащил павербанк. Неожиданно для себя почувствовал жар смущения на щеках.

– Это... подарок. – Он хотел произнести эти слова небрежно, но в голосе сама собой прозвучала лёгкая гордость.

Вигге протянул ладонь. Рейн ненадолго запнулся, но всё же подал ему устройство. Старик повертел его в руках, оценивающе щёлкнул языком.

– Вещь. Серьёзная. Дорогая. – Он вернул павербанк и посмотрел парню в лицо. – Отнеё? Чёрт! Но что скрывать... Рейн молча кивнул.

Вигге тяжело вздохнул. Взял со стола тряпку, вытер руки.

– Слушай... Ты же знаешь, я к тебе как к родному. – Он сделал паузу, ещё раз машинально протёр ладони, затем отложил тряпку и взглянул на Рейна. – Вещь хорошая, не спорю. А вот от кого – нет. – Вигге обличающе указал на павербанк в руке Рейна и продолжил с напором: – Не доведёт тебя до добра эта богатка из стеклянной башни. Ты ж сам это понимаешь. Ты для неё забава. Экзотика! Наиграется и бросит. А ты уже влип. По уши.

Рейн ничего не ответил, только отвернулся к висящей на гвозде куртке и сунул павербанк в карман. Слова Вигге падали в душу как колкие льдинки. Он знал, что старик говорит правду. Самую что ни на есть горькую правду. Но Рейн не хотел в неё верить.

– Работать будем? – буркнул он, направляясь к своему столу.

Вигге покачал головой, но настаивать не стал. Он просто вздохнул – долгим, усталым вздохом человека, который уже видел, чем заканчиваются подобные сказки.

Глава 8. Шёпот звёзд

Сольвейг спешила вверх по Длинной лестнице чуть ли не вприпрыжку. Хотелось улыбаться, ведь в её душе наконец-то воцарилась лёгкость. Смутное чувство вины – липкое и противное, как паутина на лице, – которое грызло с самого пробуждения, теперь отпустило. Подарок – практичный и полезный – был у Рейна, а Сольвейг чувствовала себя освобождённой и оправданной.

Теперь она могла со спокойной совестью позволить себе мечты о Кайле.

Дорога домой пролетела в грёзах, сладких и воздушных, как розовое облако сахарной ваты. В памяти всплывали обрывки вчерашнего вечера: бархатный голос Кайла, его идеальные манеры, его улыбка и то, как он внимательно слушал её рассуждения – словно каждое её слово имело значение. «Он такой... взрослый. Настоящий», – думала Сольвейг, и на губах сама собой расцветала улыбка.

В прихожей её встретил голос Теодора:

– Добро пожаловать домой, Сольвейг. За время отсутствия тебе трижды звонил Кайл Вандербилт. Он просил перезвонить ему, как только ты вернёшься. Проявил настойчивость, – в интонации прозвучал лёгкий одобрительный намёк.

Из гостиной вынырнула Алисия – с восторженной улыбкой.

– Кайл? Три раза?

– Полностью разделяю твои чувства, Алисия, – поддержал Теодор, немедленно явившись в голографической плоти рядом с ней. – Господин Вандербилт – более чем перспективная партия. Взаимный интерес – это прекрасный фундамент для дальнейшего развития отношений.

– Сол, не заставляй его ждать! – Алисия хлопнула в ладоши, её глаза сияли. – Беги скорее звони!

– Да, конечно! Я сейчас! – с энтузиазмом откликнулась Сольвейг, подхваченная всеобщим настроением.

Она взбежала по лестнице, но на пороге своей комнаты заставила себя остановиться, сделать глубокий вдох и выдох. Нельзя показывать, что она, запыхавшись, мчалась на его зов как глупая влюблённая малолетка. Нужно выглядеть спокойной, уверенной в себе и непринуждённой.

Взяв планшет, Сольвейг чинно присела на край кровати, расправила плечи, пригладила волосы.

– Теодор, соедини, пожалуйста, с Кайлом, – произнесла она ровным, насколько это было возможно, голосом.

Экран планшета ожил, и сердце Сольвейг стукнуло невольно. Буквально через несколько секунд Кайл ответил на звонок и возник на экране: в домашнем, но от этого не менее стильном джемпере, с тщательной укладкой волос и в целом настолько идеальный, словно он только что сошёл с рекламного постера. Фон позади говорил о хорошем вкусе и претензии на интеллектуальность: стеллаж с книгами в кожаном переплёте, дизайнерский торшер, небольшая картина в абстрактном стиле.

– Сольвейг! – Голос Кайла прозвучал с такой радостью, что невозможно было не растаять. – Наконец-то! Ты была так прекрасна вчера, что я, кажется, с тех пор только о тебе и думаю.

Сольвейг чувствовала, как кровь приливает к щекам, а сердце трепещет, словно птица, но она изо всех сил старалась сохранять лёгкую, непринуждённую улыбку.

– Спасибо, Кайл. Вчерашний вечер в самом деле был замечательным. Надеюсь, ты не слишком устал? Мы столько танцевали...

– Как можно устать от столь умелой и чуткой партнёрши? – взгляд Кайла лучился. – Будь моя воля, я бы танцевал с тобой всю ночь напролёт.

– Спасибо, – Сольвейг потупилась с кокетливой скромностью. – И я бы не отказалась от подобного. А как твои дела сегодня?

– Замечательно. Пришлось немного поработать из дома... Впрочем, как обычно, – Кайл улыбнулся с солидной сдержанностью, показывая, что Комитет не может обойтись без него ни дня. – Вообще, я позвонил, чтобы спросить кое о чём. Могу я добавить тебя в друзья в «Кено»? Хотелось бы оставаться на связи.

Сердце Сольвейг сделало кульбит. Он спрашивал разрешения! Так галантно, как будто это было что-то важное, а не обычная формальность.

– Конечно, Кайл! – поспешила ответить девушка, опасаясь, что он передумает. – Я буду только рада.

– Отлично. Тогда я сейчас же напишу тебе там, – Кайл улыбнулся своей чудесной тёплой улыбкой. – До скорого, Сольвейг.

– До скорого, – прошептала она, и звонок прекратился.

Буквально через секунду на экране планшета всплыло уведомление: «Кайл Вандербилт хочет добавить вас в друзья». Сольвейг с трепетом нажала кнопку «Принять».

Его профиль в «Кено» был таким же безупречным, как и он сам. На аватарке – фото в неофициальной обстановке, однако такое, которое не стыдно показать даже высшему руководству. В графе «Деятельность» значилось: Советник по стратегическому развитию в Комитете социального благополучия. «Образование»: Магистр экономики и управления, Университет Фрихайма (с отличием). Раздел «Интересы»: Современное искусство, классическая литература, поло, благотворительность.

Сольвейг пролистала фотографии. Вот Кайл на каком-то благотворительном гала-ужине, в идеально сидящем смокинге. Вот – на теннисном корте, красиво запечатлённый в динамике удара. Вот – с улыбкой на фоне картин в какой-то галерее. Каждая деталь складывалась в картину безупречной и безусловно успешной жизни. Сольвейг всё больше убеждалась: Кайл прекрасен. И он интересовался *ею*.

Сообщения от Кайла сыпались одно за другим. Он был внимательным, остроумным, находчивым собеседником. Он спрашивал её мнения по разным вопросам, хвалил её вкус, цитировал классиков, шутил изящно и ненавязчиво. Сердце Сольвейг переполняла воздушная, головокружительная радость.

За перепиской незаметно наступил вечер, а затем и ночь. Они нехотя, с трудом попрощались, Кайл пожелал ей спокойной ночи, и в его тоне, хоть и вежливым, уже сквозила интимная нежность.

Сольвейг понимала, что не уснёт, не стоило и пытаться. Эмоции переполняли, ей хотелось улыбаться и танцевать, а ещё хотелось продолжать и продолжать прекрасный, волшебный диалог с Кайлом – всю ночь напролёт. Чтобы успокоиться, девушка тихонько спустилась вниз, накинула пальто поверх пижамы и выскользнула через заднюю веранду в тишину ночного сада.

Здесь воздух был довольно тёплым – из-за подогрева растений – и пах горечью последних осенних цветов. Кутаясь в пальто, Сольвейг с блаженной улыбкой смотрела на небо – плотную, молочно-серую пелену ночного Фрихайма, сквозь которую едва проступало несколько тусклых звёзд. Всё было идеально.

Вдруг в густых зарослях у забора раздался тихий, отчётливый шорох.

Сольвейг вздрогнула и отступила к веранде. Сердце застучало уже от страха. Но через секунду она поняла – шуршал кто-то маленький, совсем не опасный.

– Кто здесь? – прошептала девушка, вглядываясь в синеватый сумрак.

В ответ – снова шорох. Затем от тёмного силуэта куста отделилась тень поменьше. В темноте на секунду сверкнули изумрудные глаза.

Сольвейг осторожно, чтобы не спугнуть, сделала шаг вперёд и плавно присела на корточки. Тень смотрела на неё. Это был котёнок. Вернее, подросток, долговязый и угловатый,

как все бывают в таком возрасте, с шерстью цвета мокрого асфальта и светлым пятнышком на груди.

– Кис-кис-кис, – ласково позвала девушка, протягивая руку.

Котёнок отпрянул, замер, готовый к бегству.

Сольвейг поднялась и поспешила обратно в дом. На цыпочках прокралась на кухню, запахнула холодильник. Как назло, ничего подходящего... Порылась в запасах консервов. Бинго! Тунец. Его же все коты любят, верно? Во всяком случае, если верить фильмам. Сольвейг дёрнула за кольцо, открывая банку – отлично, запах сильный, – и поспешила обратно в сад.

Котёнка не было видно, впрочем, в темноте было сложно судить. Девушка медленно прокралась ближе к кустам – почувствовав тепло подогревающего их воздуха – и поставила банку на землю.

– Иди сюда, малыш, – зашептала она, снова присев на корточки и стараясь выглядеть как можно меньше и незаметнее. – Смотри, как вкусненько.

Прошла минута, показавшаяся вечностью. Может, он уже ушёл?.. Но затем в кустах раздался чуть слышный шорох, и из темноты медленно показалась тёмная мордочка с изумрудными глазами. Потом – всё тело. На каждом шаге котёнок выдерживал паузу, всем своим существом вопрошая: «Довериться тебе? Или бежать?». Наконец, не сводя с Сольвейг настоящего взгляда, он подобрался к банке с тунцом, обнюхал её и начал торопливо, давясь, есть.

Сольвейг сидела неподвижно, боясь шевелиться, даже дышать, только разглядывала малыша. Откуда он здесь? Даже если котёнок породистый, светлое пятно на груди было асимметричным – очевидный брак. И как при таких делах он остался в живых? Сольвейг слышала, что бракованных животных заводчики не оставляют. А с бродячими и вовсе боролись уже давным-давно, так что их просто не могло быть на улицах Фрихайма.

Но всё же этот котёнок откуда-то взялся.

И, несмотря на неидеальную внешность, Сольвейг находила его очень милым. Она слушала жадное чавканье, смотрела, как подрагивает напряжённая худенькая спина котёнка и чувствовала странное, щемящее счастье. Здесь, в холодном ночном саду, у неё появился свой маленький секрет. Кто-то, кому она могла помочь.

Глава 9. Тоннели под городом

День выдался пасмурным и давящим, серое одеяло неба низко опустилось на крыши домов. В квартире Ниманов было тихо, если не считать приглушённых голосов из кухни, где Туве, укутавшись в плотный клетчатый плед, смотрела бесконечный сериал про жизнь верховских аристократов – её маленькое окно в другой мир. По коридору тянуло тушеной капустой и дешёвым чаем.

У Рейна был редкий свободный день, и сейчас он сидел на полу своей комнаты, перебирая стопки книг, скользя пальцами по корешкам, обводя буквы – словно смакуя названия. Знаменитая «Крейцера соната» Толстого, слава которой была гораздо громче её настоящего содержания. Учебник по истории искусств – «восемнадцать плюс» из-за любования человеческим телом в эпоху Возрождения, – который Рейн украл для Сольвейг, но затем решил, что будет странно дарить верховской девушке ворованную книгу, которую она легко может купить, поэтому оставил себе. Роман «Приключения Гекльберри Финна» Твена, в своё время осуждённый за использование «примитивного и грубого» повседневного языка. Томик стихов Цветаевой – яростные, рвущие что-то внутри строчки, – найденный на помойке Верха и бережно отреставрированный с помощью Вигге. «Улисс» Джойса – книга-вызов, которую Рейн брался читать уже три раза и каждый раз бросал, но никак не мог бросить окончательно. Сборник рассказов Хармса, таких странных и абсурдных, что от них мурашки бегали по загривку. «Игра в бисер» Гессе – книга-лабиринт, в которой можно было заблудиться хоть на неделю, хоть на месяц. «Возвращение со звёзд» – научно-фантастический роман Лема, исследующий тему насилия.

Отобрав шесть книг, Рейн аккуратно сложил их в потёртый рюкзак. Сверху уложил завернутую в целлофан тетрадь-маргиналию, полную рукописных отзывов на книги, рассуждений и любимых цитат. На этот раз Рейн написал мало, зато украсил чужие рецензии виньетками и эскизами на полях.

На улице Рейна встретила мелкая, назойливая морось – не дождь, а влажная взвесь, висящая в воздухе и пропитывающая одежду. Парень натянул капюшон пониже, но от этой всепроникающей сырости было не скрыться: она забиралась за воротник, холодила лицо, покрывала мельчайшими бриллиантами волокна его тёмной куртки. Лямки тяжёлого рюкзака с книгами врезались в плечи.

Рейн дошёл до остановки. Подождал. Сел в вагон почти пустого трамвая. Двенадцать остановок. За окном скользили однообразные спальные кварталы, разве что по мере продвижения они становились всё более обшарпанными.

Он вышел на окраине, где город сдавался, уступая место пустырям, складам и ржавым гаражам. Именно туда Рейн и направился – прочь от жилых домов.

Его путь лежал в глубь бетонных катакомб – развязки старых коммуникаций. Пройдя по ним десяток метров, парень спрыгнул в неглубокий котлован с металлическими линиями рельсов, где подземка ненадолго выходила на поверхность, и, подгадав паузу между составами, нырнул в тёмный тоннель.

Здесь узнаваемо пахло креозотом, раскалённым металлом тормозов, сыростью и стылым каменным холодом тоннелей, уходящих в глубину под городом. Обычный букет запахов подземки.

Сначала под ногами хрустел гравий, затем он сменился бетоном. Из источников света – кроме нагрудного фонарика Рейна – были лишь тонкие светящиеся провода, тянущиеся вдоль округлых стен тоннеля. Они давали призрачное белое свечение, которого едва хватало, чтобы не споткнуться.

Путь был тщательно выверен – от одной безопасной точки до другой, – и нужно было уложиться в график. Каждые несколько минут воздух начинал вибрировать, отдаваясь в грудной клетке, нарастал гул, и тогда Рейн спешил запрыгнуть на узкую техническую площадку или вжаться в углубление служебной двери. Мимо с оглушительным рёвом проносился очередной поезд – обычно расписанный кислотными граффити, – на мгновение освещая тоннель ярким светом из окон. Тёплый, пахнувший раскалённым металлом воздух прижимал тело к стене, грохот наполнял голову, а потом резко обрывался – стихая вдаль, оставляя в ушах звон и вновь позволяя свободно дышать. До следующего поезда.

Именно здесь, на одном из поворотов, был тот самый тоннель. Когда поезд входил в него на скорости, сжатый воздух вылетал особым образом – протяжно, вибрирующе, точно кто-то огромный и невидимый рыдал в темноте. Рейн всегда останавливался здесь. Ждал.

Сначала слышался отдалённый гул, нарастающий грохот, и затем – тот самый звук. Пробирающий, леденящий душу стон, который каждый раз вызывал в груди Рейна странный, щемящий трепет, смесь восторга и тоски. Вот и сейчас парень закрыл глаза, слушая, как этот звук наполняет всё его существо до последней косточки. Это было что-то *огромное*, что-то большее, чем он сам, этот звук словно говорил ему о бескрайней черноте космоса, об огромных пылающих звёздах и о пугающих своим масштабом океанских впадинах. «Вот бы показать это ей, – подумал Рейн. – Она бы поняла это переполняющее чувство».

Дальше путь вёл к цели. В темноте тоннелей Рейна ждала заброшенная станция-призрак, «Восход», законсервированная на стадии отделки.

Когда-то планировалось, что Фрихайм будет расти и расширяться в этом перспективном направлении – в сторону моря. Его подземку соединили наземными рельсами с соседним городом – Бергеном. Подразумевалось, что рабочие Фрихайма получат выбор и смогут при желании ездить скоростным поездом на работу в соседний город. Однако в Бергене произошла экологическая катастрофа: нарушилось течение реки, вода стала всё больше загрязняться промышленными отходами, рост города прекратился. Промышленность Бергена стала чахнуть, как и ведущая к нему железнодорожная ветка, поэтому станцию «Восход» так и не открыли.

Добравшись до станции, Рейн выбрался на перрон. В сумраке угадывались очертания былого величия: стройные ряды колонн с геометрическим узором ар-деко, свисающие с потолка изящные плафоны, остовы киосков. Всё было почти готово, замерло в одном шаге от жизни – но так никогда и не заработало. Поезда проносились мимо, не замедляя хода, а пассажиры, уткнувшись в экраны гаджетов, даже не подозревали, что за стенами вагона скрывается этот застывший во времени зал, похожий на тайный подводный грот.

Услышав приближение очередного поезда, Рейн прикрыл фонарик ладонью. Переждав, направился к одной из колонн, у основания которой была едва заметна трещина в облицовке. Отработанным движением поддел её – кусок искусственного мрамора отвалился, открыв нишу. Внутри, завёрнутая в прозрачный целлофан от влаги и пыли, лежала стопка книг с толстой тетрадью сверху.

Парень быстро произвёл обмен: вынул из тайника книги и положил на их место свои, принесённые в рюкзаке. Это был один из многих пунктов обмена подпольной сети буклегеров. Анонимная, рассеянная библиотека, раскиданная в таких вот тайниках по всему городу – в вентиляционных шахтах, заброшенных подвалах, на чердаках. Без лидеров, без встреч, только книги и тетради для отзывов, чтобы система не могла выследить и уничтожить их всех разом.

На обратном пути, уже недалеко от выхода на поверхность, Рейн не удержался. Спрятавшись под массивным бетонным козырьком, где не доставала назойливая морось, он присел на корточки, поставив рюкзак между колен, и с почти детским нетерпением его расстегнул. Новые книги! Его ждали: «Человек в высоком замке» Филипа Дика, «Чума» Камю, сборник эссе Замятина «Я боюсь», потрёпанный томик с пьесами Метерлинка... Рейн бережно пере-

листывал страницы, вдыхая запах старой бумаги, цепляя взглядом отдельные кусочки текста, предвкушая часы, которые проведёт с этими книгами.

Затем он взял тетрадь-маргиналию. Страницы были исписаны разными почерками – живая летопись их тайного общества. У кого-то почерк был аккуратный и мелкий (у его обладателя и ник был под стать – «Хронист эпохи»), у кого-то – размашистый и неразборчивый, словно не поспевающий за мыслью (Рейн не очень-то понимал, что означает ник его обладателя – «Степень»).

Полистав страницы, Рейн нашёл продолжение жаркого спора, который видел в прошлый раз. «Соловейка» оспаривала тезисы «Металлического алхимика» о свободе воли в «Записках из подполья» Достоевского. «Степень» вставлял свои лирические и немного оторванные от реальности комментарии (Рейну казалось, что зачастую они вообще были мало связаны с сутью разговора), а «Металлический алхимик» пытался опровергнуть всех собеседников скопом, цитируя Ницше (при этом Рейн считал, что его поза утомлённого жизнью циника, наоборот, указывает на его юный возраст).

Сейчас, сидя в тоннеле, Рейн ухмылялся, читая полемику на разлинованных страницах тетради. Все эти люди были для него как старые закадычные друзья, хотя он не знал ни их лиц, ни имён.

Он вернулся домой тем же долгим путём. В трамвае, покачивающемся на поворотах, Рейн смотрел в запотевшее окно на плывущие мимо серые улицы и не видел их. В голове уже складывались фразы, аргументы, цитаты для тетради. Что ответить «Степени»? Щёлкнуть его по носу за раздражающее витание в облаках или пусть? Какими аргументами поддержать близкую ему позицию «Соловейки»? И на какую из книг ему захочется написать самый подробный отзыв?

Мир за окном трамвая был холодным и промозглым, но внутри рюкзака Рейна жило целое сообщество, искреннее и настоящее. И это ощущение – принадлежности к чему-то большему, чем ты сам, – согревало лучше любой печки.

Глава 10. Башня из стекла

– Кис-кис... Котик... – шёпот Сольвейг был едва слышен даже ей самой. Он не давал эха, а глож, наталкиваясь на стену тёплого, искусственно подогретого воздуха вокруг кустов, где лазала девушка.

Ничего! Да где же он? Разве не разумно прятаться среди этих тёплых, всё ещё густых жёлтых листьев? Тогда куда он делся? Или, может, спит?..

– Котик...

Хоть бы никто не заметил её здесь! Это очевидно потянет за собой неудобные вопросы – зачем она бродит вокруг кустов на заднем дворе и что тут ищет.

Вдруг прерывистый шорох раздался за спиной, и Сольвейг обернулась. Вот он! Котёнок, судя по всему, выбрался из-под крыльца и теперь остановился поодаль, разглядывая девушку, – уже не настолько дикий, как в первый раз, но всё же настороженный. Проблема была в том, что стоял он посреди открытой лужайки.

– Вот же ты неслух, – взволнованно зашептала Сольвейг. – Что ты там встал? Я же говорила – не светись.

Слова из мира Рейна, грубые и ёмкие, резали слух в этом мире – мире денег, высоких рейтингов, ровно постриженных кустов и идеально покрашенных декоративных заборов, – и от их звучания сердце замирало, словно от какого-то преступления, но в этой ситуации они были единственно подходящими.

Опасливо глянув на окна – вроде никого, да и растительность здесь прикрывает, – Сольвейг медленно, без резких движений, присела на корточки, доставая из кармана пальто маленький свёрток – кусочек лосося со вчерашнего ужина, который она украдкой спрятала в салфетку. Развернула, положила на землю поглубже в кустах. Отодвинулась. И замерла, не дыша.

Это был их маленький, молчаливый ритуал: котёнок не спешил подходить, показывая свой независимый характер, девушка без слов упрашивала довериться ей.

Но теперь, кажется, он осмелел, потому что, как только Сольвейг отступила подальше, котёнок уже уверенно, по-хозяйски направился к рыбе и замурлыкал, вгрызаясь в еду. Девушка наблюдала за ним, и на сердце у неё было одновременно тепло и невыносимо больно. Да, она помогала ему выжить, но было что-то глубоко неправильное в том, что ему приходится вот так выживать и голодать только потому, что он не имеет родословной, заверенной на официальном бланке.

Вдруг из глубины дома послышался очень тихий, приглушённый и неразборчивый, голос Алисии, словно бы зовущий её по имени, и Сольвейг подскочила.

– Прячься и не светись тут! – напоследок бросила она котёнку, который увлечённо мурлыкал, догрызая лосося, и рванула к крыльцу.

Прошло уже три дня! Три очень долгих дня с того вечера, когда Сольвейг была на открытии галереи Холтов. Тогда Кайл Вандербилт, идеальный и прекрасный, напоследок поцеловал её руку, оставив после себя призрачное ощущение дорогого парфюма и безупречного будущего. Три дня, в течение которых её мысли были заняты только их с Кайлом перепиской и им самим – его манерами, его утончёнными суждениями об искусстве, его глубокими и мудрыми афоризмами о гуманизме и устройстве общества... И его вниманием, которое кружило ей голову и будоражило внутри что-то такое, о существовании чего Сольвейг раньше не подозревала. Это было что-то *взрослое*, трепещущее в груди подобно лёгким крыльям бабочки, но в то же время тревожащее сладкой истомой.

По вечерам, когда Сольвейг ложилась в постель, в её голове роились непривычные мысли и желания. Конечно, она и раньше думала о подобном, но как-то отвлечённо, без чувств. Да и

к кому было испытывать такие чувства? Однокурсники казались ей слишком инфантильными, они только и говорили, что о каких-то играх и мальчишеских шалостях. Рейн вёл себя по-взрослому – он всегда был таким, ещё с момента их встречи, – но думать о нём в подобном ключе было как-то неловко, ведь они столько знакомы...

Другое дело – Кайл. Новый человек, никакого прошлого. Взрослый. Красивый. И в её сладких фантазиях он был даже лучше, чем в жизни...

А теперь Кайл наконец-то позвал её на свидание!

Сольвейг крутилась перед зеркалом, и её новое платье переливалось, как жидкое серебро. Короткое, с открытой спиной и высоким воротником-стойкой, который застёгивался на крошечную бриллиантовую застёжку (подарок матери на шестнадцать лет). Тончайшая ткань облегла каждую линию тела, добавляя пикантной двусмысленности: вроде бы визуально плотная, в то же время она обрисовывала всё, включая кружевной узор белья. Сольвейг чувствовала себя одновременно роскошной, дерзкой и непривычно взрослой. Но не слишком ли это?.. Она провела ладонями по тёплой ткани на животе, думая о том, что ещё есть время переодеться...

– Сольвейг, ты выглядишь восхитительно, – раздался с тумбочки бархатный, пробирающийся под кожу мужской голос. Теодор.

От неожиданности девушка вздрогнула, почему-то ей стало неловко и захотелось прикрыться. Странный порыв, ведь это всего лишь умная колонка! Матовый белый цилиндр появился в её спальне на совершеннолетие, но за три Сольвейг ещё не привыкла к нему.

Тем временем Теодор продолжал тем же негромким, проникновенным голосом:

– Это платье идеально. Оно подчёркивает твою утончённость и в то же время говорит о безупречном вкусе.

– Кхм. Спасибо, – ответила Сольвейг.

Чтобы отвлечься от чувства неловкости, она поспешно схватила с тумбочки тюбик помады и принялась наносить последние штрихи. В этом непривычно откровенном платье по её коже бежали мурашки даже от комплиментов Теодора. Оставалось лишь надеяться, что рядом с Кайлом ей удастся справиться с волнением.

Дверь открылась без стука, на пороге была Алисия, и при виде дочери её лицо озарилось таким восторгом, что Сольвейг на мгновение почувствовала прилив детской нежности к ней.

– О боже мой, солнышко! Ты просто умопомрачительная! – воскликнула мать, всплеснув руками.

– Алисия, дорогая, – тут же включился Теодор, и его голос приобрёл более тёплые и интимные нотки. – Я же говорил, что платье потрясающее. И Сольвейг сама его выбрала, без единой моей подсказки. Кстати, это последняя коллекция от Лагерфельда, и данная покупка только что повысила социальный рейтинг Сольвейг на целых десять пунктов. Я сразу же отправил данные в Комитет.

Алисия и Тео (его образ в её представлении)

Алисия подошла ближе, её глаза влажно блестели. Она поправила прядь волос на плече дочери.

– Так сложно поверить... Моя малышка... Всё, выросла. – С чуть смущённой улыбкой она промокнула уголки глаз.

– Не стоит печалиться, милая, – ласково успокоил её Теодор. – Это естественный процесс. И ты можешь гордиться, ведь ты воспитала настоящую леди.

Сольвейг улыбнулась.

– Всё хорошо, мам, не грусти. Всё отлично. – Она кокетливо пояснила: – Просто я проведу день с Кайлом.

– С *Кайлом Вандербилтом*? – заинтриговано протянула Алисия, и её лицо просияло ещё больше. – Какая чудесная новость! Тео, ты слышал? Кайл такой воспитанный молодой человек!

– Согласен на все сто процентов, – поддержал Теодор. – Его рейтинг стабильно высок, а карьерные перспективы более чем оптимистичны. Идеальный кандидат.

Кайл ждал её у подножья стеклянного небоскрёба, который затмевал ноябрьскую хмарь пульсирующими огнями художественных галерей и коктейльных баров. Молодой человек был воплощением элегантности – в классических чёрных брюках и стильной зелёной рубашке, оттеняющей его золотистые волосы. Его улыбка была ослепительной.

– Сольвейг...

От нежности, с которой Кайл произнёс её имя, по телу Сольвейг растеклись волны горячих мурашек. Восхищение, с которым он осмотрел её платье, окончательно убедило девушку в правильности своего выбора.

– Такое ощущение, что модельный дом Лагерфельда шил это платье специально для тебя, – сказал Кайл бархатно, принимая её руку и легко касаясь губами пальцев. – Не говоря о том, что ты затмеваешь всё освещение вокруг.

На площадке перед небоскрёбом было тепло, но по коже Сольвейг пробежали мурашки.

Кайл повёл её внутрь – в царство высокого искусства, белых стен, точечного света и гулкой, почти церковной тишины.

Здесь он преобразился. Живой, увлечённый, молодой человек водил Сольвейг от картины к картине, и его рассказы были полны страсти.

– Видишь эти мазки? – Кайл указал на полотно, где массивные слои краски складывались в образ бурного моря. – Это пастозная техника. Кисть почти не используется, чаще мастихин. Чувствуешь эту энергию, этот напор? Художник не писал, он сражался с холстом!

Сольвейг слушала, заворожённая. Кайл говорил о влиянии ван Гога на экспрессионистов, о том, как импрессионисты ловили свет, а не форму. Он знал разницу между кистями из колонка для акварели и щетиной для масла. Он был умён, образован и по-настоящему прекрасен в своей увлечённости.

Но постепенно восхищение Сольвейг стало смешиваться с лёгким недоумением. Она заметила странную закономерность: самые восторженные комментарии Кайла доставались полотнам с самыми внушительными ценниками. Возле одной абстрактной композиции с шестизначной суммой он замер в почтительном молчании.

– Гениально. Просто гениально. Чувствуешь, как здесь работает цвет? Это переосмысление Малевича через призму цифровой эпохи.

А в другом зале, у небольшого, скромного натюрморта с яблоками, Кайл лишь бегло взглянул на ценник и брезгливо поморщился.

– Слащаво. Писал какой-то деревенщина. Техника примитивна до ужаса.

Его слова прозвучали так уверенно, так авторитетно, что Сольвейг – которая как раз хотела восхититься этим натюрмортом – на мгновение почувствовала себя той самой деревенщиной. Но Кайл уже увлёк её дальше, к следующему дорогостоящему шедевру, и его обаяние сгладило эту неловкость.

Ресторан на верхнем этаже небоскрёба казался ещё одной художественной галереей, только здесь выставляли не картины, а блюда. Пол устлала сотканная вручную ковры, а

сквозь стеклянные стены открывался гипнотизирующий вид на вечерний Фрихайм, похожий на искрящуюся россыпь драгоценностей.

Кайл не позволил Сольвейг даже заглянуть в меню.

– Позволь мне позаботиться обо всём, – сказал он уверенным тоном и обратился к официанту: – Для госпожи – утиная грудка в гранатовом соусе с трюфельным пюре. И начать с устриц. Мне – стейк «Блэк Ангус» с кровью.

Сольвейг промолчала. Утку она не очень-то жаловала, а устрицы именно сейчас вообще не хотела. Однако Кайл был так галантен... «Он знает лучше, – убеждённо сказала себе девушка, подавляя шевелящийся в глубине души протест. – Он знает, как всё должно быть».

Они ели под тихую, ненавязчивую музыку, и Кайл рассказывал о своей работе в Комитете, о важности поддержания порядка и о том, как он ценит красоту во всех её проявлениях. Его приглушённый баритон зачаровывал, и Сольвейг, отдавшись гладкому течению его речи, тонула в ней, будто в ласковом море.

Кайл привёз её домой на своём электрокаре, который скользил по улицам бесшумно, как призрак. Машина пахла новой кожей и его парфюмом – древесным и будоражаще-терпким.

– Спасибо за свидание, Сольвейг, – сказал Кайл, когда открыл для девушки дверь машины. – Это был прекрасный, возвышенный день. Среди всех этих картин ты была главным произведением искусства.

Выверенным движением он наклонился к её лицу – сердце Сольвейг пропустило удар – и легонько коснулся уголка губ. Сдержанно, деликатно и очень галантно.

– Я уже с нетерпением жду нашей следующей встречи.

– Я тоже, – прошептала девушка, и её щёки горели.

Кайл уехал, а Сольвейг осталась стоять у ворот своего дома, вся во власти сладкого, головокружительного опьянения от сегодняшнего дня. Она парила где-то высоко над землёй, над грязью и хаосом Нижнего Фрихайма, над вечной погоней за рейтингом Верхнего, над всеми тревогами и сомнениями. Кайл был идеальным. И её жизнь рядом с ним тоже будет идеальной.

Глава 11. Цена чернил

В мансарде Вигге пахло раствором, в котором вымачивалась бумага, и смазкой для печатного пресса. Привычный запах успокаивал. Для работы нужны были концентрация, холодная голова и точные движения.

В помещении стояла тишина. Вигге был здесь же в комнате, но Рейн не слышал даже его дыхания. Ничто не должно было отвлекать.

Даже плафон, висящий над столом на длинном шнуре, был наполовину заклеен чёрной изолентой – так, чтобы осталась лишь щель. Свет падал только на рабочий участок стола, руки в чёрных латексных перчатках и бланк. Ничего лишнего.

Рейн откинулся на спинку стула, стянул маску с лица, подышал. Надел её обратно: влажность дыхания портила ценную бумагу. Размял пальцы, положил перед собой следующий бланк. Взял перьевую ручку – старую, тоже замотанную изолентой, – перехватил удобнее. Перо нужно держать уверенно, но без лишнего напряжения, рука должна идти свободно.

Тонкое перо заскользило по бланку, уверенно повторяя замысловатый росчерк. Рейн отработывал его весь вчерашний вечер и довёл до совершенства. Последний штрих... Дыхание замерло. Ещё миллиметр...

Отчётливый хруст резанул по нервам. Старое перо окончательно сломалось, оставив на бумаге уродливую ломаную линию.

– Да к чёрту! – Рейн отшвырнул испорченный инструмент. Ручка звякнула о жестяную банку с гвоздями.

Вигге поднял седую голову от своего стола. Оглядел происходящее, покачал головой.

– Запасных нет. Всё, что было, уже сломалось. Дерево гниёт. Как и всё в этом проклятом городе.

Рейн сгрёб со стола испорченный бланк, скомкал и с силой бросил в угол. Всё насмарку! А работу для Харона задерживать было нельзя.

Дорога к Харону пролегла через самые глубокие, забытые солнцем закоулки Низа. Даже ветер не забирался в эти узкие улочки, где всегда висел душный концентрированный туман с запахом гнилых яблок: неподалёку располагалась подпольная перегонка сидра.

Охранник у тяжёлой бронированной двери пропустил Рейна молча. Его квадратная скулачая физиономия с ломаным носом как будто говорила: Ниман, в твоей жизни что-то очень неправильно, если тебя знают в лицо подобные персонажи.

За бронированной дверью резко начинался другой мир: чистый, с кондиционированным воздухом и претензией на роскошь.

Тесная лестничная клетка. Крутые деревянные ступени наверх.

Перед тёмной дверью Рейн перевёл дыхание. Главное правило – никогда не показывать страх. Ни малейшей слабину.

В кабинете Харона пахло крепким чёрным кофе, сигаретным дымом и воском для паркета. Сам босс сидел за массивным столом с тусклой от времени столешницей и сосредоточенно изучал какие-то бумаги. Одет, как всегда,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.